

В СВОДКАХ НЕ СООБЩАЛОСЬ...

ЧАРДАШ СМЕРТИ

ТАТЬЯНА БЕСПАЛОВА

В сводках не сообщалось...

Татьяна Беспалова

Чардаш смерти

«ВЕЧЕ»

2018

Беспалова Т. О.

Чардаш смерти / Т. О. Беспалова — «ВЕЧЕ», 2018 — (В сводках не сообщалось...)

ISBN 978-5-4484-7181-0

Битва за Воронеж в годы Великой Отечественной войны продолжалась 212 суток, и на левый берег одноименной реки захватчики так и не прошли. А Матвей Подлесных, участник Империалистической войны, георгиевский кавалер, стал предателем. Впрочем, он никогда и не сочувствовал советской власти. В мирное время жил вдали от людей, промышлял охотой и знахарством, в военное – занялся отловом своих земляков-партизан, совершавших диверсии в тылу фашистских войск. Однажды ему даже довелось изловить своего давнего, злейшего врага – Красного профессора Родиона Табунщикова. Но ранней зимой 1942 года судьба-злодейка неожиданно свела их обоих с лейтенантом венгерской армии Даниэлем Габели, известным всей Воронежской губернии как Убийца русских. И вот в затерянной среди полей и рощ, выгоревшей и вымершей деревеньке западнее Воронежа непримиримые враги в смертельной схватке объединяются в общей ненависти к супостату.

ISBN 978-5-4484-7181-0

© Беспалова Т. О., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Татьяна Беспалова

Чардаш смерти

© Беспалова Т.О., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

* * *

«Ничего грязнее, жестче, кровавее, натуралистичнее прошедшей войны на свете не было. Надо не героическую войну показывать, а пугать, ведь война отвратительна. Надо постоянно напоминать о ней людям, чтобы не забывали. Носом, как котят слепых, тыкать в нагаженное место, в кровь, в гной, в слезы, иначе ничего от нашего брата не добьешься».

Виктор Астафьев

«Он преисполнен мудрости. Он есть частичка мироздания, несущая в себе всё мироздание. Он готов на всё и ко всему. Он готов даже к лучшему. Он ждет его, даже если не верит в него. Он надеется на худшее. Он есть Ничто т. е. Всё. Он есть Бог, прикидывающийся Дьяволом. Он есть Дьявол, прикидывающийся Богом. Он есть в каждом человеке».

Александр Зиновьев

Пролог

Слишком жарко – не продохнуть. Коза упряма и пуглива. Земля под ногами трясется, вздрагивает, словно желая стряхнуть и Анюту, и козу. Обе бредут по чёрной колее. У Анюты за плечами мешок, в руке – лохматый конец верёвки. Другой её конец привязан к ошейнику козы. Слева от колеи – выгоревшие до тла яровые. Справа – зарастающая, в ожидании озими, пашня. За спиной зелёная стена лесополосы. Впереди ничего, кроме изогнутого плавной дугой горизонта и одинокого дерева. Липа это или клён – издали не разглядишь, но крона широкая. Дерево не повреждено пожаром, потому что стоит посреди незасеянной части поля. Пения жаворонков и цикад не слышно. Всё живое попряталось в ожидании прихода железного зверя, который уже рычит за горизонтом. Железный зверь – колонна бронетехники. Сейчас она движется по тракту, проложенному вдоль железнодорожных путей. А по железной дороге один за другим следуют составы. Паровозы тащат их с запада на восток, в сторону Воронежа. Железные гусеницы танков и железные колёсные пары составов заставляют землю дрожать. Но Анюта идёт без опаски. Она уже сделала своё дело. В заплечном мешке пара нечистого белья – более ничего. Слева, на невспаханной части поля, полным полно мин. Части РККА оставили эти места недавно, а немецкие сапёры ещё не успели поработать. На левой части поля, там где огонь выжег весь урожай лета 1942 года, мин, скорее всего, уже нет. Смертоносная начинка черной земли уже подорвалась. Анюта рассчитывала переждать остаток дня в этой части поля, в одной из воронок или под одиноким деревом, чтобы отправиться дальше по ночной темноте и прохладе. Девушка на минутку прикрыла глаза. На карте это дерево было обозначено жирным зелёным крестом. Странно! Зачем рисовать на картах одинокие деревья? Случись на этом поле бой – и дерево вполне могло бы погибнуть. Но Родион Петрович научил её запоминать, и она помнила карту сейчас так же ясно, как десять дней назад. Неужто дерево выжило специально для того, чтобы она, одинокая девчонка, недоучившаяся студентка сельхозинститута смогла переждать там дневную жару с этой вот приبلудной козой? Она могла бы переждать день и в лесополосе. Но, пожалуй, лесополоса сейчас самое опасное место. Кроны обильно зеленеют. Подлесок густой. В таком месте можно спрятать танк, эскадрон конников, да всё что угодно!

Весь путь от села Сельский пролетарий до этого вот поля Анюта проделала, избегая лесополос и посадок. Шла только полями. Так учил её Красный профессор Родион Петрович Табунщиков. Анюта провела в пути уже пять дней, ночуя в балках, сараях на пустующих подворьях, которых в этот второй военный год на правом берегу Дона было немало. На одном из подворий она и подобрала брошенную хозяевами козу. Иных знакомств ей посчастливилось избежать. Лишь вороны да жаворонки парили у неё над головой, да пролетали с запада на восток вражеские эскадрильи. Война копошилась за горизонтом, ухала разрывами, шкрябала железом по железу. Анюта слышала её, она чувала её тяжёлую поступь, но видела только дымные облака вдали и следы гусениц под ногами. До цели – лесного брода через Дон – осталась всего пара километров. Сухой паёк был давно поделен, и уже вторые сутки Анюта почитала голод худшим из зол.

А ещё она надеялась проскочить через Дон никем не замеченной, но как же ей не повезло! Анюта привыкла смотреть под ноги, всегда опасаясь наступить на мину. Наверное, потому она не сразу заметила всадника. Только услышав конский топот, подняла голову и... Вот он, совсем рядом.

Всадник летел над опалённой стернёй. Белый, тощий конь под ним стлался, выкидывая далеко вперёд голенастые, длинные ноги. Серый пепел вздымался за спиной всадника густым облаком и медленно оседал на опалённую землю. Вот всадник поднял карабин, выстрелил на скаку, не целясь. Пуля ударила в чёрную дорогу, прямо перед Анютой. Девушка упала на колени, выпустила из ладони верёвку, скорчилась, прикрыв голову руками. Подол платья пах

горелым колосом. Если самой не убежать, так пусть хоть коза убегает. Но строптивное животное поступило по-своему, не пожелало спастись, прижалось к ней, замерло. Всадник окриком остановил коня. Русский. А через мгновение Анята услышала металлический лязг – он передрнул затвор карабина.

– Ты кто?

Она молчала.

– Подними голову!

Анята распрямилась и в первый раз посмотрела в лицо всадника. Нижнюю его часть закрывал грязный бабий платок. Дряхлый картуз низко сидел на голове, закрывая весь лоб до бровей.

– Кто вы, дядя? – решила спросить Анята.

– Всадник Апокалипсиса, – был ответ.

Анята с облегчением выдохнула – ей показалось, будто всадник смеётся.

Прыжок козы привёл в замешательство Аняту и обескуражил тощего мерина, на котором восседал всадник. Мерин прынул назад, коза последовала за ним, наставив на противника короткие, кривые рога. Конь затряс головой, вскинул передние копыта. Ветхий картуз полетел на землю, обнажив белый, голый череп. Всаднику быстро удалось управиться со своим тощим одром и заставить его стоять неподвижно на четырёх ногах. Бабий платок между тем сполз ему под подбородок. Почудилось ли Аняте или в яви увидела она безгубый, широко открытый рот, запавшие глазницы, проваленный нос, впалые, бесцветные щёки. Всадник быстрым движением вернул платок на место. Со сноровкой циркача, не покидая седла, наклонился и стволом карабина подцепил картуз. Для этого он использовал странное, похожее на обычную косу орудие. Кажется, такой остро отточенный серп на длинной рукояти называется алебардой. Но всадник уже нацепил картуз на голову, совершенно скрыв от неё своё безобразное лицо.

Анята продолжала стоять на коленях, не решаясь подняться. Правая рука раз за разом окрещивала лоб, плечи и пуп. Стараясь не смотреть на морду лошади, она уставилась на покрытые чёрной пылью её копыта. Анята слышала, как фыркает мерин, слышала топот за спиной – к ним приближались другие всадники. Эти выскочили из лесополосы. Не один, не два – несколько. Солнце стояло высоко, обрушивая на девушку мегатонны жара. Грудь, спина, подмышки – всё взмокло, всё сделалось липким. Всадник стоял прямо против солнца, но тень, отбрасываемая им, была слишком короткой – и не спрятаться, и лица всадника не рассмотреть. Да и не хотела Анята рассматривать его лицо. И без того ясно – свой, советский, но не окруженец. Одет ведь не по форме – в полосатые штаны и короткие сапоги со шпорами. Странная, пугающая картина. До начала войны Анята видела такие вот шпоры только на цирковых наездниках и на фотографиях, оставшихся со времён Гражданской войны. А тут ещё эта коза! Животина снова прижалась к ногам, дрожит, взблеивает. От её шерстистого бока ещё жарче. Хорошо! Если чувствуешь жар и холод, значит, пока не шибко боишься. Анята попыталась отпихнуть козу локтем, но та не пожелала отстраняться. Топот копыт приближался. Анята глянула через плечо – так и есть. Три всадника. Все на тощих грязно-белых скакунах. Что же это? Если коней нарочно под стать друг другу выбирали, то почему лучше не поискали? С одного конного завода кони или... Анята опустила голову и уставилась на знакомые теперь до мелочей копыта. Значит, их действительно четверо, как в библейской притче. Если пуститься бегом по полю – непременно и быстро нагонят. Да и мины там. Множество мин. Бежать по выгоревшей стерне так же бессмысленно. Горелая нива изрыта воронками. Провалишься – ноги переломает, но не убежишь всё равно. Куда же спастись? Топот копыт затих. Зазвенела сбруя. Всадники осадил коней неподалёку от неё. Анята снова обернулась. Кони стояли как вкопанные в пяти шагах. Она решила оглядеть всадников, а те, словно близнецы, и одеты одинаково, и лица у всех закрыты кусками пропылённой материи, голова каждого покрыта

картузом и сложением похожи друг на друга так же, как их кони. Анюта отвернулась. Правая рука сама собой возобновила движения ото лба к пупу и через правое плечо к левому.

– В Бога веришь? – спросил голос из-за спины.

– Неа...

– Комсомолка?

– Неа...

– Местная?

Анюта молчала, не решаясь обернуться. Что же ответить? Как соврать?

Вот один из троих спешил, приблизился к ней, сдёрнул с её плеч мешок.

– Я знаю её, Колдун. Она воронежская. Ты хотел её подстрелить, Голод?

Первый всадник отрицательно покачал головой.

– Воронежская? Узнаю! Почему так далеко забрела? Мы в Курской губернии, – проговорил тот, кого повеличали Колдуном. – Воронежский сельхозинститут. Факультет почвоведения. Так?

Колдун склонился над ней, совершенно заслонив солнце.

– Анна Сменщикова. Так?

Анюта скосила глаза – решила посмотреть на дозначника. Ничего интересного. Нижняя часть лица закрыта куском пыльной материи, пронзительные глаза над ней живые, с тёмной каймой вокруг радужки и розоватыми белками, ворочаются из стороны в сторону. Станный дядька, но пока не страшный. Но вот приблизился один из его товарищей, тот, что потрошил Анютин мешок, и тогда ей сделалось тошно.

– Тут только смена белья. Ха! Кружевное бельишко! Эй, Голод, посмотри! – всадник подбросил её жалкие пожитки в воздух, а Голод с той же циркачьею ловкостью поймал их и проговорил:

– Шелковое бельё. Крестьянское платье. Что-то тут не так, Колдун.

– Ищи, Гроб! Вытряси всё из мешка! – скомандовал Колдун. – А я сейчас её...

По телу Анюты елозили крепкие, пронирыливые руки Колдуна. Анюта была спокойна. Карманов у неё нет. Одежка простая, крестьянская. Раз эти люди её знают – опасаться нечего, свои.

– Колдун, еды – ни крошки, – доложил Гроб.

– Я иду в Михнево. Там у меня бабушка...

– Врёт, – фыркнул Гроб.

– Шелковое бельё, крестьянское платье, – повторил Голод.

– Ты ведь дочка директора первой школы? – спросил Колдун и рванул её за ворот платья.

Совсем простая хлопчатная ткань оказалась очень крепкой – затрещала, но не поддалась. Анюта ударила лицом о твердую землю, но не вскрикнула. Теперь колдун ухватил её за подол. Прижимаясь лицом к тёплой пыли Анюта слушала, как Колдун превращает её платье в узкие лоскуты.

– На! – сказал он кому-то. – Пригодится, если перевязать.

Потом он намотал на кулак её косу и так поддёрнул кверху, что ей пришлось подняться. В глазах плясали разноцветные искры, а он тянул её за косу назад, заставляя изгибаться. Солнце больно ударило в глаза. Где-то совсем рядом завопила коза. Лязг железа. Громкий хлопок – и животное умолкло. Стало слишком тихо и совсем уж, нестерпимо больно.

– Зачем вы? – простонала Анюта. – Я же своя...

Боль стала утихать, но теперь перед ней появилось гладкое, продолговатое, опалённое солнцем лицо. Белые брови над синими глазами походили на огромных мучных червей. Анюта видела этого человека раньше. Давно. Однако она хорошо запомнила Матвея Подлесных.

* * *

Аня Сменщикова перешла в шестой класс, когда ей поставили диагноз сколиоз. Да дело не в диагнозе, а в ногах, которые болели. О сдаче норм ГТО не могло быть и речи. Тогда мать повезла её в лес. Куда-то на границу с Курской губернией, к знахарю Матвею. С тех пор прошло несколько лет, а человек этот нисколько не изменился, только борода его стала совсем белой, как у деда Мороза.

– Вы – дед Матвей. Знахарь, – прошептала Аня. – А я...

– Ты – директора школьного дочка, – ответили ей румяные губы.

– Бельё невинной девушкой пахнет, – сказал Голод. – Мытарь, ты не хочешь?

– Никто не хочет, – сказал дед Матвей и улыбнулся.

Улыбка его показалась Аняте ласковой, однако он по-прежнему держал её за косу.

– Посмотри-ка, Колдун, у неё панталоны тонким кружевом отделаны. И это под крестьянским-то платьем!

Чья-то рука ухватила её за ногу повыше колена и тогда Аня решила. Она наугад пнула того, кто ползал у неё под ногами. Вероятно, это был Гроб. Тут же её тело пронзила невероятная боль. Ах, зачем она послушалась матери? Зачем не избавилась от косы? Руки её всё время оставались свободными и, преодолевая невероятную боль, она, ослепшая от слёз, вцепилась в белую бороду своего мучителя.

– Вяжи её лоскутами!

– Колдун, где твоё зелье?

– Клади её поперёк седла!

– погоди ты, Мытарь-нетопырь! Надо сначала слить!

Кто-то ударил её под вздох и она распахнула рот, желая глотнуть горячего, насыщенного черной пылью, но такого необходимого сейчас воздуха. Вкус его оказался горше полыни. Аня закашлялась. Рот наполнился обильной слюной.

– погоди! Так она здохнется, – проговорил Колдун. – Клади её на бок. Вот так!

Совсем скоро спелёнутая по рукам и ногам собственным платьем, она лежала на обочине просёлка. Безжизненные, подёрнутые серой поволокой, глаза убитой козы в упор глядели на неё. Пахло утробной гнильцой. Знакомый, страшный запах. Так пахнут кровоточащие раны. Она смаргивала слёзы. Они были так же горьки, как и её слюна, но она радовалась им. Горько-соленая влага вымывала из-под век колкие частички пыли. С каждым мгновением зрение её прояснялось. Наконец она смогла рассмотреть всех четверых своих мучителей, которые расположились на противоположной стороне просёлка. Теперь, когда они обнажили свои страшные лица, она испугалась по-настоящему. Тугие пелёны, не давали простора истерике. И хорошо, что они её спеленали, иначе никак не совладать бы со страхом.

Тот, кто примчался к ней первым и которого товарищи именовали Голодом, имел голый, белый гладкий череп. Глаза его прятались столь глубоко, что разглядеть их не представлялось возможным. На месте носа зияла продолговатая дыра. Рот походил на складку дубовой коры. На тонкой шее зачем-то болталась верёвочная петля.

Второй, тот, кого называли Гробом, имел длинные до колен суставчатые руки, больше походившие на конечности насекомого, большую, шишковатую голову, украшенную острыми ушами и длинным, ниспадающим на верхнюю губу носом. Всё это каким-то невероятно уродливым образом крепилось к тщедушному, горбтому телу. Гроб перемещался боком, неестественно изгибая кривые ноги, и едва не касался ладонями земли.

Третий – Мытарь – всё ещё сидел верхом на своём тощем скакуне, но теперь он показался Аняте огромным, тучным, застывшим. Широкое его лицо с огромными, как кофейные блюда,

глазами было черно. Волосы стояли торчком, образуя над головой причудливую корону, чем-то напоминающую оленьи рога.

Колдун же показался ей невероятно красивым, высоким, статным, юным. На смену невзрачной, крестьянской одежке явилось блистающее бело-золотое одеяние более уместное для былинного героя, но не для безродного бродяги – жителя хопёрских лесов. Как-то возвысился он, расправил плечи, поднял подбородок, смотрел с открытой отвагой, по-орлиному.

Анюта моргала глазами – иных движений она, плотно спелёнутая, не могла сейчас себе позволить.

– Она смотрит на нас, – сказал Голод.

– Пусть смотрит, – ответил Колдун.

– Она запомнит нас, – сказал Мытарь.

– Ненадолго, – отозвался Колдун.

– Мы убьём её прямо сейчас? – спросил Гроб.

– Зачем? Она ведь не может больше сопротивляться. Она безоружна. Я не убиваю детей.

Я вообще никого не хочу убивать, – сказал Колдун.

– Тогда её убью я! – Гроб оскалил мышинные зубки, а Мытарь поднял карабин и прицелился.

Чёрный зрак дула уставился на Анюту. Сейчас Мытарь нажмёт на курок, из потусторонней черноты выпорхнет алая пичуга и её мучения закончатся. Анюта, в ожидании хлопка, на миг прикрыла глаза, но услышала лишь глухой стук и стон. Когда она открыла глаза, Мытарь уже валялся на земле, корчась под ударами тяжёлых сапог Колдуна. Гроб и Голод стояли неподалёку. Эзекуция была не долгой, но жестокой. Через минуту, с невероятным для такого тучного человека, проворством Мытарь вскочил на ноги.

– Начальник прав, Мытарь, – говорил Голод, помогая товарищу взобраться в седло. – За каждого диверсанта полагается плата. Или забыл?

– Господин комендант платит и за мёртвых, – совсем по-детски шмыгая носом, проговорил Мытарь.

– За живых – дороже, – сказал Гроб, ловко вскакивая в седло. – Эта одна из тех баб, которые подорвали пути за Песчанкой.

– Тех уже повесили, – возразил Мытарь.

– Их было трое, а повесили двоих, – сказал Колдун.

– Аа-а! Ы-ы-ы! – взывала Анюта.

– Что это с ней? Твоё зелье не действует, Колдун!

– Услышала о казни товарок. Агитпроп Красного профессора даёт сбои! Плохо прокачал ученицу Родион Петрович!

– Аа-а!!! Ы-ы-ы!!!

Её заставили замолчать удары под в здох и по голове.

– Нет!!! Не убивать!!! – взревел Колдун, и избиение прекратилось.

– Клади её поперёк седла, Голод. И смотри!.. – скомандовал Колдун.

– Знаю, знаю...

Анюта снова зажмурилась, когда страшный человек приблизился к ней. Её подняли, пронесли, уложили. Рёбрам стало больно, сердце колотилось в горле, голова налилась кровью, вопить, взывая к милосердию не было сил. Но вот конь принял с места, и она провалилась в душное небытие.

* * *

Её привело в чувство ощущение высоты, словно какой-то бессмысленный шалун усадил её на высокую ветку, или она сама по какой-то нечаянной прихоти взобралась на шкаф.

Анюта твёрдо знала главное: земля где-то внизу, довольно далеко. Ступни утратили контакт с почвой и теперь опирались на шаткую, малой площади поверхность. Неловкое движение – и ты упадёшь или повиснешь. Она опасалась шевельнуться – сейчас самое главное не потерять равновесие. Напитанный зноем сквозняк оведал её тело. Значит, она, скорее всего, находится под открытым небом. Человеческие голоса звучали совсем рядом, но они доносились откуда-то снизу. Надо открыть глаза и осмотреться. Необходимо понять, что происходит. Но голова бессовестно кружится, будто она всю первую половину субботнего дня каталась в городском парке на карусели. Дурнота мешает телу сохранять вертикальное положение. Хочется прилечь. Однако опаска пусть неопытной, но разведчицы, мешает осуществить желаемое. Пытаясь совладать с собой и получить хоть какую-то информацию, она прислушивается к голосам.

– А теперь как она видит нас?

– Да она вовсе ничего не видит. Глаза зажмурила. Эй, девка! Как там тебя? Анюта? Ну-ка открой глаза!

– Надень ей на голову мешок, – третий голос прозвучал издали и, несомненно, принадлежал Колдуну.

– Она боится увидеть чудищ, – сказал первый голос. – Колдун морочит людей, и они вместо нас настоящих видят...

– Кого? – спросил второй.

– Всадников апокалиса.

– Апокалипсиса, скотина. А-по-ка-лип-си-са!!! Понял?

Анюта открыла глаза. Она действительно стояла на помосте и даже выше, на шаткой, кое-как сколоченной табуретке. Низенький человек с тонкими, бесцветными чертами лица, придерживал табуретку ногой, чтобы не опрокинулась раньше времени. Совсем недавно, поздней ночью, Колдун опять поил её чем-то горьким, и она с удовольствием пила. Она смотрела на пыльную площадь городишки сквозь марево дурнотного тумана. Купол церкви, флаг со свастикой над двухэтажным зданием дореволюционной постройки – все городишки этой местности похожи один на другого, как братья-близнецы. Наверное, в здании под свастикой до войны находился горсовет. Несколько улочек вливались в продолговатое озеро площади. По улочкам чахлыми струйками тёк народишко. Тут и там сновали люди в черной униформе и картузах. Точно такие картузы носили и подручные Колдуна.

– Погоди, Голод. Господин комендант распорядился согнать побольше народу, – голос Колдуна всё ещё доносился откуда-то снизу.

Анюта подняла руки и уставилась на свои пальцы. Вроде бы все на месте. Тогда она потрогала грудь – всё в порядке. Её даже одели в чью-то полотняную, пахнущую клопами, рубаху. Если б пальцы или груди стали отрезать, неужто она не почувствовала бы? Припомнились занятия в разведшколе. Там майор НКВД толковывал им о пытках в гитлеровских застенках. О замороженных до смерти, об отнятых пальцах и грудях, об ужасе перед казнью. Но по такой жаре до смерти не заморозишь. Ни боли, ни ужаса она не чувствует. В какой-то старой, ещё дореволюционного издания, книжке она читала, что в последние минуты перед отходом в мир иной вся земная жизнь походит перед мысленным взором. Но её головушка странно пуста. Сейчас она плохо помнит и учение, и лица родителей. Так жарко, так горько во рту! Поскорей бы уж и умереть, отойти в иной мир... Нет! Она комсомолка и не верит поповским бредням. Сейчас её повесят на глазах у жителей городка, названия которого она не знает. На этом её жизнь закончится. Зачем же тогда губы произносят эти неведомо откуда взявшиеся слова? Почему слова затверженной с младенчества молитвы только и идут на ум? Даже теперь, одурманенная зельем, она понимала: дед Матюха или Колдун, как называли его товарищи, пытался уменьшить её мучения.

– Молится, комсомолка, – проговорил Голод.

Да, теперь она ясно видела и его. Человек как человек. Не молодой и невзрачный, одетый в униформу вражеской армии. Смотрит, скалится, но руками не трогает. Да и зачем ему трогать Анюту, если она стоит тут одна на табуретке, с верёвкой на шее. Во рту всё ещё горький вкус колдунского зелья, в глазах предсмертная муть, на устах запретная молитва.

– Пусть молится, – сказал Колдун. – Ещё пять минут.

– Но господин комендант...

– Уже достаточно народу собралось...

О чём они толкуют? О каком таком народе? Зачем народ? На миру и смерть красна? Кто это говорит на незнакомом языке? Нет, это не немецкий язык. Немецкий им преподавали. Но этот... По помосту застучали подкованные сапоги. Табуретка под ней закачалась. Послышался нестройный гул голосов. Заплакал ребёнок. Кто-то продолжал выкрикивать команды на незнакомом, неблагозвучном языке, в котором Анята не могла разобрать ни единого слова.

– Прощай, Анята, – сказал Колдун.

– Где ты? – спросила Анята, и он позволил ей в последний раз увидеть своё дочерна загорелое лицо, синие глаза и белую бороду.

Часть 1

– Наш участок дороги заканчивается на станции Латная. Дальше за дорогу отвечает командование четвёртого корпуса, – бормотал пленный.

Октябрина перевела.

Пленный трясся, ёрзал, стараясь пересесть ближе к тёплому богу печки. В избёнке пахло еловой смолой и оттаявшими валенками. Иней выбелил серую кладку стен. В углах пряталась темнота. Печной дым уплывал наружу в узкие щели под стропилами. В деревянном светце догорала лучина. Пленный внимательно оглядывал бойцов отряда Табунщикова, особое внимание уделяя Октябрине. Успел влюбиться или, как выразался интеллигент Низовский, вожделем. Собственно, неудивительно. Октябрину вожделем многие, а может быть и все. Укутанная в цветастую павлово-посадскую шаль и чёрную кроличью шубку, дочка Красного профессора выглядела неплохо даже в замороженной, лесной хижине. Маскировочные комбинезоны, в которых шли из Задонья до Девицы, Красный профессор распорядился сжечь в печи. Далее следовали по легенде: группа крестьян-колхозников следует на станцию железной дороги Латная для расчистки железнодорожных путей. Вот и снег выпал очень кстати. Только слишком уж много его. И мороз завернул. Всю ночь стены избушки потрескивали, а пламя в топке взметнулось так, словно вознамерилось чертёнком выскочить в трубу. Не беда, что щеки обветрены и после возвращения за Дон будут долго шелушиться. В конце концов Октябрина себя долго ещё не увидит – не взяла с собой зеркальце. Брать зеркальце на задание – это совсем уж несерьёзно. А Октябрина не просто комсомолка, но второй секретарь комсомольского бюро факультета. Но зачем же пленный венгр так навязчиво глазеет на неё? Неужели шелушатся лоб и подбородок?

Да, профессорскую дочку вожделем можно, но получить трудно, а уж пленному венгру и подавно. В потайном кармане чёрной шубки спрятан крошечный пистолет. Оружие заряжено десятью патронами. Калибр пуль не велик и разброс при стрельбе значительный, но если стрелять с близкого расстояния, никакому мадьяру не поздоровится.

Навязалась за отцом Октябрина. Всё сделала вопреки уставу и присяге, но своего добилась. И Красный профессор смирился. Всегда одинаково суров с каждым из своих четверых детей, он несколько смягчился лишь после того, как полгода назад с фронта перестали приходить письма от старшего из братьев Октябрины – Ивана. Война вырвала из жизни многих знакомых и родных большой семьи Табунщиковых. Линия фронта пролегла через их родной город. Мать Октябрины и оба младших её брата в июле 1942 года так и не успели покинуть город, и Родиону Петровичу до сих пор ничего не удалось разузнать об их судьбе. Направляясь на задание, они видели северную окраину Воронежа. Тогда обычное красноречие изменило Красному профессору. «Нет, я не верю», – сказал он. Эту короткую, но ёмкую фразу старого коммуниста, передал Октябрине Рома Саврасов. Может быть, Родион Петрович решил, что при нём жизнь единственной дочери будет в меньшей опасности?

– Боец Гаврин! – рявкнул Красный профессор.

Октябрина вздрогнула.

– Я! – Лаврик вскочил на ноги, по обыкновению, широко улыбаясь.

– Приказываю дать бойцу Табунщиковой подзатыльник. Пусть переводит исправно, не отвлекаясь на девичьи мечты.

* * *

Линию фронта диверсанты – Красный профессор, Андрей Давидович Низовский и сам Ромка Саврасов – миновали вполне благополучно. Первую ночь провели в чистом поле, не разводя огня и здорово намёрзлись. На второй день, в деревушке с завлекательным названием Девница, была назначена встреча с Лавриком Гавриным. На эту встречу однокурсник Романа явился не один. Ох, и озлился же Красный профессор, увидев Октябрину! Роман крепко запомнил его слова:

– Твой напор и желание всё сделать по-своему не доведут тебя до добра.

Но обратно через линию фронта Родион Петрович дочь не отправил. Так Октябрина и осталась с ними. Отряд двое суток провёл в Девнице. На задворках у Лавриковой родни, в амбаре пережидая сильную пургу. Ранним утром третьего дня Родион Петрович поставил всех на лыжи. Теперь их целью являлся железнодорожный перегон между станциями Латная и 215-й километр.

Десятикилометровый переход от околицы Девницы до места совершения акции Октябрина преодолела без нытья. Отстать она не могла, потому что шла второй, следом за Ромкой. За Октябриной шёл Андрей Давидович Низовский, бывший преподаватель с кафедры электротехники, он же – герой Гражданской войны, орденноносец. В те героические времена Низовский воевал под началом самого Тухачевского, о чём в прежние времена рассказывал с большим удовольствием, но в предвоенные годы язык-то прикусил. За Низовским следовал Лаврик. Этот нёс за плечами груз взрывчатки. Замыкал цепочку сам Родион Петрович Табунщиков, которого в каждом уезде от Воронежа до Борисоглебска торжественно именовали Красным профессором.

Мадьяра изловили неподалёку от безымянного хутора. Капрал, судя по всему, мародёрствовал по ту сторону железнодорожного полотна. Сонная, осоловелая от холода кляча тащила по первопутку сани с добычей и самого мадьяра. Ромка и Лаврик легко прижучили грабителя. Красный профессор конфисковал награбленное. Всей добычи оказалось: три мешка фуражного зерна и кое-что из провианта. Фураж пришлось оставить на поживу позёмке, зато остаток пути они проехали в санях, да и провиант очень даже пригодился. Ночевка предстояла тяжёлая. Вечеру снег перестал, небо прояснилось, но ударил крепкий мороз. В этой ситуации Лаврик оказался особенно полезен. Это он привёл их к замерзающему озерцу, на болотистом берегу которого притулилась древняя избушка, очень похожая по виду на жилище сказочной Бабы-яги. Сооружение стояло на сваях – толстых, почерневших от времени брёвнах. Лаврик сказал, что это охотничья заимка. В домишке нашлась печь, нехитрая утварь, незначительный запас топлива. Изба изрядно обветшала. Из щелей между брёвнами бахромой свисала пакля, крыша прохудилась, лесенка на крыльцо – без трёх ступеней, но это лучше, чем ночёвка в снегу, в двадцатиградусный мороз. Последние силы они отдали кобыле – кое-как разместили в избёнке, накрыли, накормили остатками фуража. Теперь животина громко дышит, но стоит смирно. В её больших, блестящих глазах отражается огонёк лучины. От неё и тепла больше, чем от печки. А они спать не укладываются. Пленного опрашивают. Красный профессор формулирует вопросы, Октябрина переводит, а Низовский обоим помогает.

– Позвольте осведомиться, почтеннейший, а техника соответствующая у вас имеется? – Низовский хитро шурил и без того узкие глаза. В избушке было дымно – печь топилась по-чёрному.

Октябрина перевела.

– Auf Wegen Feld Gendarmerie lokalen Herden leben zu löschen. Jetzt ist der Schnee. So wird morgen fahren¹.

– Die Technik ist. Geben Sie Wodka! Wodka ist?²

– У нас и хлеба-то в обрез. А ты о водке, – отозвался профессор. – Ты спроси его, Октябрина за дозорных.

– Дозоры у немцев всегда выставлены, – вмешался Лаврик.

– Der Schutz der Eisenbahn sind der SS,³ – прилежно ответил пленный.

– Как часто патрулируют? Где выставлены посты?

Октябрина переводила. Пленный отвечал на все вопросы толково, без запинки.

– Вот предатель-то! Вот треплется! – рычал Лаврик.

Под скулами Гаврина ходили желваки. Он то и дело хватался за карабин, но сразу же откладывал – толстые рукавицы не защищали руки от стылого металла. Роман держал оружие на коленях. Внезапно интонации пленного изменились. Нет, он лопотал всё так же оживлённого, но теперь явно о чём-то совсем ином. Время от времени он на свой, венгерский лад, произносил, коверкая, русские имена. Родион Петрович тоже заметил смену настроения мадьяра, тоже стал прислушиваться, пытаясь самостоятельно, без помощи Октябрины осознать смысл его речей.

– Погоди-погоди! – сказал профессор наконец. – Что же ты умолкла, Октябрина, он ведь что-то важное говорит. Так?

Октябрина смущенно уставилась на отца.

– Он бредит, папа.

– Он какие-то имена называл. Что-то о казнях. Так?

– Папа! По моему, он дурак. Я бы подумала, что спьяну бредит, но он трезв. А толкует о колдовстве. Антинаучный бред какой-то.

– Может быть, этот гм... господин соблаговолит повторить? – встрял интеллигент Низовский.

– Ну! Давай! – Лаврик ткнул мадьяра стволом в бок.

Пленный вздохнул и начал сначала. Октябрина переводила.

– Он говорит: у нас нет шансов. Даже если не сумеем взорвать дорогу – шансов всё равно нет.

– Шансов на что? – улыбнулся профессор.

– Он говорит, нам не спастись. На оккупационные власти работает самый известный в этих местах колдун. Он пугает, наводит ... что?

– Отводит глаза. Так в старину говорили. И этот мадьяр имеет в виду именно морок, Октябрина Родионовна, – проговорил Низовский.

– Антинаучный бред! – фыркнул Родион Петрович.

Мадьяр же говорил безостановочно. Щеки его зарумянились. Глаза блестели.

– Теперь он говорит, что этот человек – колдун – одновременно является и врачом.

– Целителем. Я бы так это перевёл, – вставил интеллигент.

– Он говорит... – Октябрина немного помолчала, прислушиваясь к лепету мадьяра. – ... этот человек ловит диверсантов. Таких, как мы. А находит при помощи колдовства. Бред какой-то!

– Was ist das? Beschreibung!⁴ – проговорил профессор.

– Он не может описать! – горячила Октябрина. – Говорит, колдун отводит людям глаза.

¹ На расчистку путей полевая жандармерия сгоняет местных. Сейчас снег. Значит, завтра пригонят. (нем.).

² Техника есть. Дайте водки! Водка есть? (нем.)

³ Железную дорогу охраняет СС (нем.).

⁴ Как он выглядит? Описание!

– Наводит морок! – вставил Низовский.

– Он говорит, колдун никого не убивает. Всех отвозит... Куда? Ты слышал, папа? Он говорит, в Семидесяткое. Он говорит, у колдуна трое помощников. Все на белых конях.

Услышав о белых конях, Лаврик вскочил на ноги.

– Помнишь, Ромка, я тебе рассказывал? Про мою тётку Василину Игнатьевну? Это которая в Бога верит. Она видела их, Всадников Апокалипсиса. Все на белых конях. Рожи у всех ужасные. Один с белой бородой. Это было в конце лета, когда я первый раз через линию фронта ходил. Помнишь?

– Я тоже слышал, – нехотя отозвался Роман, обращаясь к Родиону Петровичу. – В рапорт бабьи бредни включать не стал. Когда бомбы и снаряды на головы сыплются – ещё и не такое померещится.

– Да. У нас большие пробелы в агитационной работе, – вздохнул Красный профессор. – Есть ещё много недостатков. Но вы, комсомольцы, должны понимать...

– Я понимаю! – воскликнула Октябрина. – Бредни попов крепко засели в головах сельских обывателей...

– Тяпа! Мы не у матушки твоей на кухне, а на боевом задании! Перебивать командира нельзя, Тяпа!

– Не называй меня Тяпой!

– Боец Табунщикова!

– Я пять раз ходил через линию фронта. Наслушался разговоров о всадниках. Пока люди в Девице были живы, только и говорили о них. Только теперь там разговаривать некому!

Ей показалось, или Лаврик всхлипнул? Нет, это слишком крепкий морозец заставляет слезиться глаза.

– А я три раза ходил, – вставил Роман. – Слышал только сплетни. На самом деле, никто этих всадников не видел. Недостоверная информация!

– Вы оба непревзойдённые мастера перехода через линию фронта! – воскликнул Низовский. – Гроссмейстеры!

– Тише, тише, молодежь! – профессор поднял обе руки кверху, совсем как на лекции. – Ложимся. Ты, Андрей Давидович, будешь сторожить первым. Через час тебя сменит Роман.

Не обращая внимания на гневные взгляды отца, Октябрина улеглась рядом с Ромкой. Обняла его сзади за плечи.

– Не боишься, Тяпа? Вот папка заругает! – тихо спросил тот.

– Папа имеет на этот счёт твёрдую позицию, – так же тихо отозвалась она.

– Какую?

– Нас завтра могут убить...

– И что?

– А то! Можно обниматься. Вот что!

Их заставила умолкнуть команда старшего:

– Всем спать! Не сплетничать. Подъём на рассвете. Завтра надо дело сделать.

– Спокойной ночи, папа! – проговорила Октябрина, но её услышал, кажется, только Ромка.

Сам он так и не сумел уснуть. Всё слушал, как щиплет лучину Низовский да ворочается возле двери пленный мадьяр.

* * *

Мадьяр заискивающе посматривал на Красного профессора. Холодная ночь, проведенная возле щелястой двери, превратила его в синюшного доходягу. Шинелишка и башлык покрывал слой инея, подкованные железом сапоги примерзали на каждом шагу, а валенок

мадьяр пока не сумел добыть и, судя по всему, уж не добудет. Давеча, согрев потроха кипятком и страшными сказками о колдуне, он раздурманился, но к утру его щеки снова сделались бледны, а недельная щетина покрылась коркой льда. Низовский бегал вокруг саней, делая вид, будто помогает Лаврику запрягать кобылу. Ромка укладывал в сани вещи, между делом прислушиваясь к разговору дочери и отца:

– Папа, а что с пленным?

– С пленным по справедливости, дочь.

– То есть?

– Ты читала приказ командующего фронтом?

– Да.

– Подпись ставила об ознакомлении?

– Я...

– Пленных мадьяр не бывает.

– Но...

– Мы все дали присягу, – Родион Петрович начинал злиться. – Зря я допустил это своевольство! Надо было отправить тебя за Дон! Одну! Боец Табунщикова!

– Я!

– Шагом марш следом за бойцом Низовским! К саням, в сани, за санями!

– Есть.

– Marsh! Marsh! – повторил пленный и потопал ногами.

Октябрина покорно потащила к саням.

Кто из них застрелит врага? Ромка посматривал на Красного профессора, а тот прятал глаза, когда к ним подошёл Лаврик.

– Надо отправляться, Родион Петрович. Что с этим? – Лаврик кивнул на мадьяра. – Я?

Профессор молчал. Лаврик снял с плеча карабин. Пленный что-то залопотал, но теперь не на немецком, а на венгерском языке, промёрзшими пальцами вцепился в профессорскую португею.

– Ну-ну, милый! – Родион Петрович толкнул его легонько, и тот кулём повалился в снег да так и остался лежать. Кашель сотрясал его тело.

– Отпустить тебя мы не можем, – Красный профессор будто оправдывался, а сам всё время посматривал на Лаврика. – Через линию фронта мы тебя не потащим. У нас приказ – мадьяр в плен не брать. Ну что же ты, Лаврик? Стреляй!

– Я не промахнусь! – заверил профессора Лаврик и нажал на курок. Кашель тут же прекратился.

* * *

Взрыв получился красивым. Тонны снега взметнулись бело-огненной волной, подняв над собой одну из железнодорожных платформ.

– Дело сделано, – сказал Родион Петрович. – Надо уходить.

– Пристрелить теперь и лошадь? – спросил Лаврик.

– Пристрелим, когда она упадёт. Всем в сани!

– Но, папа!

– Боец Табунщикова!

И Октябрина покорно повалилась в сани.

Правил Лаврик. Низовский и Родион Петрович устроились позади. Ромке повезло снова оказаться рядом с Октябриной. Через шкуры тулупов, несмотря на цепкий мороз, он чувствовал тепло девичьего тела. Надо же так назвать человека! Тяпа! Да и что за человек! Ни минуты покоя не изведает эта Тяпа, пока не добьётся своего. Вот и сейчас она зачем-то пристаёт к

отцу. Дался ей этот Матвей Подлесных! Образованная девушка, на двух языках говорит, но при этом верит в сказки про колдунов!

– Папа, ты веришь в сказки про колдунов?

– Нет. Да Матвей и не колдун.

– Матвей?

– Да. Матюха Подлесных. Это им пугал нас фашист. В каком-то смысле мадьяр прав. Матюха действительно пугало. Я знал его ещё по дореволюционным временам. Мы вместе служили в Павловке, у Волконского.

– Тот самый Волконский? Внук декабриста?

Вот Октябрина почему-то заволновалась. Дался ей этот Волконский! Гнилой аристократишко!

– Да, – отвечал Родион Петрович. – Если помнишь, до революции и я, и твоя мать работали в его имении. Там мы и познакомились.

– Я помню. Мама рассказывала... И с Матвеем Подлесных там познакомились?

– Твоя мать знает не хуже меня, что Матвей Подлесных дезертир и расстрига. Он ушёл воевать, когда мне было четырнадцать лет. Я плохо помню его.

– Значит, он не колдун и мадьяр соврал? – спросил Лаврик.

Пык-пык-пык – копыта кобылы погружались в неглубокий пока и рассыпчатый снежок.

– Матвей Подлесных дезертировал из царской армии. Просто ушёл из полевого лазарета под предлогом тяжёлой контузии. Что ж, вся последующая его жизнь подтверждает – контузия действительно была тяжёлой. А с властью рабочих и крестьян – с нашей властью – Матвей Подлесных так и не сумел найти общего языка. Когда экспроприировали имущество из усадьбы Волконского, Матюха сумел урвать своего. Но барское добро впрок ему не пошло.

– Но потом-то его, кажется, вывели на чистую воду, – рассеянно проговорил Низовский.

– А я слышала, что князь Волконский был неплохим человеком, – вставила свои пять копеек Октябрина. – Просто старик плохо разбирался в классовой борьбе...

– Это ты с голоса матери поёшь, – прервал дочь Табунщиков. – Князь действительно был уже очень стар в тот момент, когда свершилась воля пролетариата. А Матвей Подлесных был первейшим человеком в банде Антонова – пригодились нажитые в царской армии навыки.

– По слухам, он был георгиевским кавалером, – сказал Низовский. – Я был в цирке в тот день, когда он отрекался...

– В цирке? – изумилась Октябрина. – Так он ещё и циркач к тому же? Многогранная личность!

– Многогранная личность много красных бойцов положила, – продолжал Табунщиков. – Тухачевский назначил за его голову большую награду. И я его словил. Сам видел, как Матвей под дулами красных винтовок грыз землю, умоляя о пощаде.

– И что? Судя по всему, его пощадили? – спросил Ромка.

– Советская власть – самая справедливая власть в мире! Раз пощадила, значит, он того стоил! – воскликнула Октябрина. – Так что же случилось в цирке?

– Там Матвей отрекался от веры в Бога, – задумчиво проговорил Низовский. – Это был настоящий цирк с полётами и разными чревовещательными фокусами. Он странный, этот Матвей Подлесных. От той, давней контузии, будто видения у него...

– Галлюцинации, – подсказал Ромка.

– Тогда, в цирке, он сильно народ перепугал. Многих потом в волосной отдел чека вызывали. Велели не трепаться под страхом... – Низовский осёкся, глянул на Табунщиков и продолжил совсем уже в другом тоне. – Это в двадцать седьмом году было, летом, кажется. Так, Родион Петрович? Тогда в Борисоглебск шапито приехал...

– Да он попросту удрал тогда, – сказал Табунщиков. – Так же, как и от расстрельной команды в двадцать первом году. Так и говори Давидович. Здесь, в лесу, лишних ушей нет. Матюха тогда растворился в воздухе.

Низовский криво с неохотой, улыбнулся, отвернулся, примолк.

– Хопёрский факир Матвей Подлесных! Ха-ха-ха! – Лаврик согнулся пополам, пряча глаза.

– Хопёрский колдун, – поправил его Ромка. – Я тоже видел его. Доводилось. Перед войной мать сильно хворала. Так мы её к нему возили для лечения. Он на Деда Мороза похож – борода белая, нос красный. Только не добрый он. Денег с нас много взял, но матери, правда, помог. Мне показалось, деньги он сильно любит. Копит их, что ли? На что ему деньги в лесу-то?

– В жадности нет колдовства, – заметил Низовский. – Обычное человеческое свойство. Нехорошего разбора при том. А вот то, что он исчезать умеет внезапно, равно как и появляться, – об этом в Борисоглебском уезде с самой антоновщины толковали. Растворяться в эфире, чтобы вновь материализоваться совсем в другом уже месте – удивительное свойство! Исследовать бы этот феномен. Левитация, ноль-переход, ясновидение, а теперь ещё и это...

– Да ни в чём он не растворялся! стыдно вам, Андрей Давидович, учёному, преподавателю, герою Гражданской войны, наконец, повторять этот антинаучный бред! Он удрал в лес. Самым подлым образом воспользовался заступничеством губернского начальства и удрал! – голос Красного профессора звенел едва сдерживаемым раздражением.

– А почему за него начальство заступалось? – не отставала Октябрина.

– Не знаю, – рыкнул Красный профессор. Судя по всему, ему больше не хотелось обсуждать колдуна.

– Говорят, он умел лечить такие болезни, которые никому больше не поддавались, – сказал Низовский.

– И охотником был хорошим. На волка, на медведя ходил один, – подтвердил Лаврик. – Но это уже было перед самой войной. По эту сторону Дона. Все говорили про его снадобье...

– Горькая микстура деда Матюши, так она называлась, – подтвердил Низовский.

– ... он её готовил на волчьем жире. Говорят, любого зверя мог выследить. И человека. Всё наше районное начальство у него лечилось.

Лаврик по обыкновению горячился, вертелся на передке саней, едва не спихнул Ромку в снег. Лицо Красного профессора скрывали поднятый ворот ватника и низко надвинутая шапка, но Ромка и без того знал: Родион Петрович сейчас чрезвычайно зол. Нет, не любил профессор Табунщиков разговоры о чудесах. Материалист до мозга костей!

– Да. Он промышлял охотой. На волков охотился. По тамбовским лесам в двадцатых годах мнооого волков водилось. Матюха уходил в леса. По полгода никто его не видел, – сказал наконец Красный профессор.

– Сдается мне этот дезертир-монах-охотник-колдун весьма и весьма неординарная личность, – заметил Низовский. – Эдакий Дубровский нашего времени. Благородный, загадочный и... э-э-э...

– Романтический! – воскликнула Октябрина.

– Беда, если такой романтик встанет на наш след, – буркнул Родион Петрович. – Дед Матюха не романтик, дочь. Он дезертир и предатель.

– Не до романтики, когда брюхо свело от голода, – подал голос Лаврик.

– А вы, Октябрина Родионовна, что думаете об антинаучных бреднях? Об отводе глаз, ворожбе, знахарстве, всех этих странных исчезновениях и прочих антихристианских поступках? Раз этот человек монах... Пусть расстрига, но всё же.

Ромка уже не первый раз замечал, как Низовский с самым возмутительным мужским интересом смотрит на Октябрину. Ишь, старый гусь разохотился! Пытается увлечь девушку

умными разговорами. Поразить своею интеллигентностью. Только здесь, в задонских снегах, под дулами вражеских орудий все они сравнялись, и Ромка – сын сельских учителей, и Лаврик – сирота, подкидыш, воспитанник солдатки из глухой деревушки, и Красный профессор Табунщиков, и интеллигент Низовский. Если не повезёт, все одинаково будут болтаться с петлями на шеях. Все, только не Октябрина. Только не она! Ромка шумно вздохнул. Он устал прислушиваться к журчанию умных речей Низовского. Да интеллигенту и не удалось закончить мысль. Будто испугавшись отдалённого воя, горестного и протяжного, старая ель уронила с лапищ пласты рыхлого снега. Кобыла тряхнула головой и перешла на рысь. Пык-пык-пык – глухо стучали её копыта. Пах-пах-пах-пах – отвечало им лесное эхо.

– За нами кто-то едет, – буднично проговорил Лаврик и тряхнул вожжами.

Все примолкли, прислушиваясь. Ромка слышал только глухое пык-пык-пык да стук собственного сердца.

Кобыла начала уставать, снова перешла на шаг и в ответ на понукания Лаврика лишь ниже опускала голову. Табунщиков, Низовский и Ромка соскочили с саней. Медленный снежок ложился на санный след со странным, размеренным стуком, словно кто-то ударял ладонью по промёрзшему бревну. Часто-часто ударял.

– Говорю же, за нами едут, – Лаврик говорил тихо, но его слова услышал каждый. – За нами гонятся, командир.

Ответом ему стал хлопок.

– Стреляют, – сказал Лаврик. – Метров двести сзади. Командир, они нагонят нас.

Родион Петрович обогнал сани, подскочил к кобыле и схватил уздечку.

– Тпру-у-у!

Лаврик натянул вожжи.

– Родион Петрович, вы что?!

– Тяпа, вылезай из саней. И ты, Лавр. Боец Саврасов! Роман Юльевич!

– Я!

– Доверяю вам жизнь своей дочери!

– Папа!

– Боец Гаврин!

– Я! – Лаврик соскочил с передка.

– Вы возглавляете группу. Следуете в пешем строю до деревни Девица. Там дислоцируетесь. Топите печь, согревайтесь до нашего с Андреем Давидовичем прибытия.

– Есть! У меня там и самогон припасён.

– Отставить самогон, боец Гаврин.

Не об этом ли, припрятанном в запечье самогоне, рассказывал Лаврик в Борисоглебской школе диверсантов? Самогон будто бы приготовила престарелая тётка Лаврика ещё в то время, когда немецкие танки утюжили чернозёмы Харьковской губернии. Неужели он до сих пор сохранился? Вот бы сейчас погреться!

– Боец Саврасов, до нашего прихода никакого самогона! Я рассчитываю на вашу сознательность! – Красный профессор любил щеголять умением угадывать тайные помыслы своих учеников.

– Да я и не думал. Я не пью!

– Боец Табунщикова...

– Папа!

– На морозе чур не целоваться!

– Смотрите! – прошептал Низовский.

Все обернулись в ту сторону, куда указывал старый интеллигент. Голубоватая дорожка санного следа ещё извивалась между стволлов. Снег валил всё гуще, размывая следы полозьев. Тощий конь грязно-белого окраса ставил длинные ноги, подобно цирковой танцовщице, ров-

нёхонько в санный след. Он трусил неспешной рысью, повторяя траекторию движения саней. Животное, низко склонив сухую голову, с пёсёй повадкой, будто принохивалось к следам. Всадник же в огромной лохматой шапке и длинном, закрывающем голенища валенок зипуне смотрел прямо на них. Приклад карабина он держал под мышкой. Ромка сам не свой от изумления несколько долгих мгновений рассматривал черное дуло.

– Боец Гаврин! Марш! – прошептал Родион Петрович, и Лаврик с бесшумной сноровкой заядлого лесника исчез за ближайшей ёлкой. – Табунщикова и Саврасов! За ним!

Ромка схватил Октябрину за шиворот и дернул за собой, но не сильно. Она не должна упасть, она не должна изнемочь. До Девы ещё километров восемь, а снег становится всё глубже, и, кажется, поднимается ветерок, а часть их пути пролегает через поле. Ромка бежал, время от времени подталкивая Октябрину в поясницу. Лес становился всё гуще, и порой он терял Лаврика из вида. Но тот время от времени останавливался, поджидал их.

* * *

Они избегали стрелять по кобыле. Зачем-то им понадобилась измождённая, позабывшая о сытости коняга. Табунщикова быстро и первым разгадал их намерения. Он пристроился неподалёку от клячи, а та была настолько утомлена, что перестала реагировать на хлопки и щелчки выстрелов. Так и стояла статуей, лишь изредка переступая передними ногами. Лишь уши её чуть шевелились, а морда тянулась к залёгшему у неё в ногах Красному профессору.

А снег валил всё чаще. Крупные снежинки затрудняли видимость, и первые пять выстрелов Низовского пришлись мимо цели. Противников было всего четверо. Трое из них сидели на сухощавых, длинноногих жеребцах. Четвёртый – на крупной, но такой же тощей, как жеребцы, кобыле. Все лошади были подобраны в масть, словно происходили от одних родителей. Но сами всадники! Памятуя о страшных байках, Низовский заранее настроился на иронический лад. Однако реальное зрелище превосходило самую жуткую из досужих рассказов. Персонажа баек – хопёрского Колдуна – он признал по длинной, белоснежной бороде. Матвей Подлесных действительно чем-то походил на Деда Мороза. Но герою новогодней сказки полагается быть добрым, а этот безостановочно палил из карабина, свирепо скаля желтоватые, крупные зубы. Второй всадник – шуплый и горбатый – был настолько мал ростом, что не мог использовать стремена. Впрочем, внушительных размеров горб не мешал ему сидеть в седле с ловкостью античного всадника, сжимая худыми коленями бока коня. Второй был огромен и чрезвычайно уродлив с виду. Этого Низовский признал сразу. Этого он сам, лично, исключал с третьего курса сельхозинститута за академическую неуспеваемость и политическую нестойкость. Сволочь неплохо наживался, давая бедным студентам займы под процент. У него и прозвище было соответствующее – Мытарь. А вот имени Низовский, к сожалению, не запомнил. Лица третьего товарища Колдуна Низовскому пока не удавалось рассмотреть. Впрочем, что там гадать да рассматривать! Всаднику, вооруженному помимо карабина огромной, похожей на косу алебардой, по определению полагается быть страшнее смертной кары.

Конь карлика метался между голыми кустами, искусно вынося своего всадника из-под выстрелов. Настоящая, хорошо обученная, бывалая в боях кавалерийская лошадь. Откуда у животного взялись такие навыки после восемнадцати лет вполне мирной жизни? Не результат ли это колдовских ухищрений? Отгоняя прочь дурацкие, антинаучные мысли, Низовский старался поймать голову животного в перекрестье прицела. Да, двадцать лет минуло, с того времени, когда он сам в последний раз использовал оружие в боевой обстановке. Наверное, это можно назвать и кавалерийской атакой. Это было 8 декабря 1922 года. Они носились по заснеженным лесам, преследуя эсеровских бандитов. Именно тогда Низовский наловчился стрелять, не покидая седла, на скаку да по движущейся мишени. Тогда они словили восьмерых отряд-

ников Семёна Шамова⁵. Восьмерых взяли живыми, а скольких перестреляли? Этого Низовский не помнил, но тело послушно вспомнило давно не востребованные навыки. Едва поймав в перекрестье прицела голову коня, он нажал на курок. Конь повалилась в снег совсем почеловечьи, ничком. Его всадник, истошно вопя, покатился в свеженаметённый сугроб. Другой, размахивая алебардой скакал прямо на него. Теперь Низовский мог хорошенько рассмотреть его безносое, лишённое губ и бровей лицо.

– Пугаешь? Думаешь, поверю, что ты нечисть? Не-е-ет!!! Ты просто полицей, предатель, убийца!.. – так приговаривал Низовский, выпуская одну пулю за другой.

– Считай патроны, Давидыч!!! – услышал он окрик Красного профессора.

И тут Низовский понял, что не на шутку испугался. Нет, так не годится. Бессмысленно палить в воздух, поддавшись панике? Глубокий вдох. Морозный воздух ожёг легкие. Вместе с выдохом тело покинула и паническая дурь. У него тоже есть союзники. И не только Красный профессор. Лучший его союзник сейчас – глубокий снег. Это он помешал врагам добраться до него, пока он так постыдно паниковал! У него есть ещё пяток секунд. Он справится! Низовский снова прицелился. Первая пуля завалила в снег длиннорукого карлика. Низовский умышленно не стал убивать горбуна, но рану нанёс серьёзную и болезненную – в живот. Привлечённый истошным воем товарища, безносый на время отложил своё намерение расцечь Низовского и бросился на помощь карлику.

Мытарь, расположившись за широким, сосновым стволом, вёл прицельную стрельбу короткими очередями. Фонтанчики белого снега вздымались вокруг Табунщикова. Мытарь ловко сидел в седле. Оба они, всадник и его тонконогий конь, составляли единое целое. Низовскому вдруг пришло на ум чудовище, персонаж античной мифологии – Кентавр. Низовский усмехнулся и вспомнил о Колдуне. А тот, постоянно перемещаясь, скользил над сугробами легко и плавно, словно ноги его коня вовсе не касались земли. Колдун вёл стрельбу умело. Неужто и вправду георгиевский кавалер? Огонь противников не позволял Красному профессору поднять головы. Табунщиков отвечал редкими выстрелами. Стрелял часто наобум, не имея возможности прицелиться. Но и такая стрельба дала свои результаты. Большой конь светло-серой масти поймал пулю, выпущенную из профессорского карабина. Левый бок животного, под лопаткой окрасился алым. Конь закричал и стал валиться вправо. Его всадник, Мытарь, слишком грузный для того, чтобы оказаться ловким, через мгновение оказался поверженным в снег. Однако вскоре снова оказался на ногах, словно чья-то невидимая, но мощная рука вздёргнула его за шиворот. Низовский прицелился. Он хотел вогнать пулю Мытарю под подбородок, но попал в правую часть груди. Рана оказалась не смертельной. Огромный мужик, теряя шапку и рукавицы повалился было в снег, полежал, ворочая огромными глазами, а потом ворча и плюясь кровью пополз прятаться за тело своего убитого коня. Низовский ясно видел, как Колдун поднял карабин и прицелился. Неужели дострелит товарища?

– Не-е-ет! – заверещал Мытарь и выпустил в сторону Табунщикова ещё одну короткую очередь – он, единственный из четверых был вооружён автоматом.

– Ах ты обормот! – возмутился Низовский. – Почему не хочешь издохнуть, Всадник Апокалипсиса? Кентавр! Ха-ха! Да не села ли Введенского ты уроженец? Недоучившийся ростовщик! Мытарь!

– Он ещё и смеётся! – провозгласил писклявый голосок. – Что это, Колдун?! Нас всех ранили! Кто эти люди? Они герои Гражданской войны? Метко стреляют, сволочи...

Голос карлика в тишине зимнего леса звучал противоестественно, как писк комара или назойливое жужжание пчелы.

⁵ Семён Шамов – командир 6-го Савальского полка крестьянской армии Александра Антонова.

– Голод, удели этому должное внимание, – проговорил Колдун, указывая на Низовского дулом карабина. – Красный профессор уже ранен. Он никуда не денется. А этот ворошиловский стрелок, уложит вас всех.

– И тебя! Тебя-я-я тоже!!! – взвыл горбун.

Но Колдун не слушал его. Он направил своего коня в то место, где под передком саней, в ногах усталой кобылы залёг Родион Табунщиков.

– Сдавайся, Красный профессор! – сказал Колдун негромко.

– Сдавайся!.. Сдавайся!.. Сдавайся!.. – отозвалось услужливое эхо.

Табунщиков выстрелил. Колдун небрежно махнул рукой. Пуля ударила в ствол сосны над головой Мытаря. Колдун смотрел на Табунщикова из-под нависших белых бровей пристально и, будто с иронией, как на давнего знакомого. Колдун словно вовсе забыл о Низовском и сделался отличной мишенью. Низовский выстрелил.

– Аа-а!!! У-у-у!!! Ы-ы-ы!!! – взвыла чаща.

Пласты снега поехали вниз по еловым лапам. Они падали на голову Низовского закрывая обзор. Его снова накрыла паника. Выпустив из рук карабин, он размахивал руками так, словно боялся оказаться погребённым под снежным завалом. По ту сторону страха царила полная тишина. Только голос старого товарища, Родиона Табунщикова, снова и снова окликал его по имени:

– Андрей Давидович! Давидыч!!! Ну что же ты!!!

Наконец ему удалось справиться и со снегом, и с паникой. Карабин каким-то чудесным образом снова оказался у него в руках. Тогда Низовский снова узрел своего врага. Совсем рядом он видел чернеющую, продолговатую дыру в том месте, где у обычного человека располагается нос. Враг снова сидел в седле. Конь под ним шёл медленно, прядал ушами, часто и глубоко втягивая в себя морозный воздух. Всадник лежал на его шее, всматриваясь в белесую пелену снегопада. Он явно боялся Низовского, но убивать не хотел – острое лезвие алебарды и дуло карабина торчали над его левым плечом. Показалось ли Низовскому или действительно было так, но темные провалы под надбровными дугами так же были пусты и черны. Враг несколько долгих мгновений смотрел в лицо Низовского и ни разу не моргнул. Преодолев предательскую дрожь в руках, Низовский совместил перекрестье прицела с переносом врага. На курок жал по всем правилам науки стремительно, но плавно и порадовался собственной меткости – пуля угодила точно между глаз, проделав в черепе врага ещё одно, аккуратное отверстие. Вторая пуля нашла цель одновременно с первой. Табунщиков целился в шею, но попал в грудь. Пуля рассекла ремни. Карабин и алебарда беззвучно упали в снег. Враг распахнул рот, раскинул на стороны руки, словно желая ухватиться за стволы ближайших деревьев. Конь выскочил из-под него и резко принял вправо, уходя от их с Табунщиковым прицельного огня.

Тогда в дело вступил Мытарь. Этот, похоже, задался целью последние мгновения своей жизни посвятить истреблению Низовского. Он расстрелял в него весь рожок и не напрасно. Первые шесть пуль били по промерзшему сосновому стволу выше головы Низовского. На его кроличий трех сыпались смолистые щепы. А последняя пуля, срикошетив, ударила его в правый бок. Низовский не почувствовал боли. Он даже подумал поначалу, что свинец застрял в плотной и толстой подкладке его ватника. Так он думал несколько секунд, пока телу его не стало тепло и влажно. Боль пришла позже. Отуманив зрение, затмив разум, она исторгала из его глотки пронзительные вопли. Низовский слышал стон, и вой, и зубовный скрежет, оскудевшим остатком сознания изумляясь: неужели это он, Андрей Низовский, способен издавать столь громкие и причудливые вопли? От мучений его избавил высокий, белобородый человек, сложением и повадкой очень похожий на своего же тощего коня. Это он с медсестринской сноровкой влил в рот Низовского умопомрачительно-горькое пойло. Горько-вящущий вкус зелья на несколько мгновений сделал Низовского немым. В уши словно натолкали ваты – такой плотной показалась ему наступившая тут же тишина. Лишь где-то совсем рядом очень

тихо и жалобно стонал человек. Ещё один раненый? Низовский вдохнул холодный воздух, ожидая возобновлений боли.

– Заткнись уже, – проговорил белобородый Колдун. – Не то на твои вопли все окрестные волки сбегутся. Рана плохая, но болеть пока не будет. Помучаешься ещё.

Казалось его тело полностью утратило чувствительность. Низовский словно парил на легчайшем облаке. Глупейшее из желаний вдруг посетило его в такой ответственный момент: захотелось вспорхнуть над верхушками заснеженного леса, посмотреть, каков же он сверху, этот грешный мир. Хотелось сделаться пилотом. Нет! Рукотворные крылья слишком быстры. А Низовскому желалось плавного парения. Обернуться бы чернокрылым вороном или белоснежным облачком, мельчайшею снежинкой, наконец. Низовскому необходимо посмотреть, что творится окрест. Может быть, в последний раз.

* * *

– Куда ты правишь?

– На Муравский шлях.

– В Семидесятское везёшь?

– Да.

Собеседники замолчали, и некоторое время Низовский слышал лишь скрип полозьев и звяканье сбури.

– Низовский очнулся.

Это о нём! И говорит точно Табунщиков. Низовский хотел окликнуть его, но горло могло издавать лишь надсадные стоны.

– Он очнулся, – повторил Красный профессор.

– Нет. Он так и будет засыпать и просыпаться. Он плохо понимает, что произошло.

Ему показалось или Табунщиков рассмеялся? Похоже, он, Андрей Давидович Низовский действительно слабо осознаёт происходящее.

– На Муравский шлях в такую погоду? – продолжал Табунщиков. – Не хочешь выбрать дорогу покороче? Пурга поднимается.

– Мне надо доставить вас в Семидесятское живыми.

– Переживаешь за меня? – спросил Красный профессор.

– Нет. За деньги переживаю. За таких, как ты, полагается награда...

Сани катились ровно. Низовского и Табунщикова неизвестный возница укрыл чем-то тёплым и тяжёлым. Низовский попробовал пошевелиться. Острая боль пронзила всё его тело от пяток до макушки, но горло сдавил спазм, и он не смог завопить. Насколько серьёзна его рана? Ах, он ничегошеньки не понимал в ранах, но чувствовал на теле тугие пелены. Руки-ноги вроде бы и свободны, но пошевелить ими невозможно. Под усыпляющий скрип полозьев Низовский снова провалился в небытие.

Сколько времени они провели в пути? То погружаясь в забытие, то вываливаясь из него, он утратил представление о времени, но каждый раз, возвращаясь в мир живых, он слышал два неумолкающих голоса. Собеседники – близкие, с давних пор хорошо знакомые друг с другом люди, говорили так, будто приходились друг другу ни много и ни мало, но сродни. Но враги они или друзья, или то и другое разом – этого Низовский никак не мог уразуметь.

– ... за мятую трёшку мать родную продашь... – взрыкивал Табунщиков.

– ... во всей округе на сто вёрст от Воронежа в любую сторону ни одного храма не уцелело. Мою мать расстрельная команда твоего Тухачевского в ров положила. Родни вы мне не оставили. Родины – тоже. Предавать некого, – отвечали ему с передка саней.

Низовский прикинул: одного из подручных легендарного Колдуна он уложил сам и наверняка. Пуля попала безносому в центр лба, точно над тем местом, где у нормальных людей

бывает нос. Оба упыря – длиннорукий горбун и бочкоподобный мордоворот повалились с коней. Снег под обоими стал красным, что полностью исключает их принадлежность к так называемой нечистой силе. Итак, двое подручных Колдуна, если и не мертвы, то как минимум ранены. Но сейчас в санях их было лишь двое – сам Низовский да Табунщиков, да возница на передке. Остальные участники перестрелки, скорее всего, остались лежать в снегу. Значит, на передке саней сидит именно Колдун.

– ... у тебя всё те же, эсерские замашки, – похоже, Красный профессор даже будучи раненым нипочём не желал сдаваться.

– Сам ты эсер. Думаешь я не знаю, как ты в тысяча девятьсот восемнадцатом году линию твоей краснозадой партии критиковал?

– Остановись в Староникольском. В Девице ни одного целого дома.

Красный профессор уговаривает возницу. Почему? Кажется, им-то надо именно в Девицу. Почему же тогда Табунщиков просит возницу править в Староникольское?

– До Староникольского – двадцать километров. Лошадь плохо кормлена. Она падёт.

– Сзади ещё две.

– Не надейся. В ближайшие двое суток по такой пурге, да по морозу тебя никто не отобьёт. А пулю из твоей ноги надо вытащить в течение суток, иначе ногу так раздует, что портки треснут. Пусть даже они и на вате. Тогда ногу придётся отнимать, а рана высоко. Отрезать придётся под самый пах. Но до этого дело не дойдёт. Тебя повесят раньше. Ха-ха-ха!

– И сбудется твоя давнишняя мечта...

– Не заговаривай мне зубы! Я не зарывал зерно в ямы и выпороть меня ты не сможешь! И в холодную не посадишь! Ха-ха-ха!

Смех возницы был похож на лисий лай. Полозья саней с характерным шипением приминали рыхлый снег. Собеседники время от времени умолкали, переводя дух на холодном воздухе. Тогда Низовский слышал, как позвякивает конская сбруя. Слышал совсем рядом дыхание лошади. Но, если судить по звукам, получалось, что лошадь идёт позади саней. Нет, такого быть никак не может. Это у него жар от ранения. Но в какое же место он ранен? Тело отяжелело, но руки теперь повиновались. Низовский собрал последние силы, приподнял край овчины – какой-то неведомый благодетель укрыл его длинным тулупом – и выглянул наружу. Морозный воздух обжёт легкие.

Морда лошади оказалась совсем близко от саней. Уздечка свободно болталась под шеей. Крупный, сухошавый конь грязно-белого окраса трусил за санями. За ним следовала кобыла чуть пониже ростом и ещё более худая. Это что же, порода у них такая или просто недокармливают животных? И почему не впрягли лошадей в сани? Так быстрее бы добрались до места. Тут полозья наехали на ветку, сани подбросило. Невыносимая боль выпнула Низовского в забытие.

Когда он снова очнулся, сани стояли на месте. Морда лошади над его лицом была чуть-чуть светлее серого неба. Тёмные глаза её, в обрамлении покрытых инеем ресниц, сверкали, как подсвеченные луной лесные озёра. Низовский снова слышал голоса. Сколько же времени прошло с того момента, когда он потерял сознание?

– Посмотри, я весь в крови, – сказал Табунщиков.

– Это кровь Низовского. Сани трянуло, повязка съехала. Или он ворочался. Бог с ним. Всё равно помрёт.

– Андрей Давидович – мой товарищ и коммунист...

Глухой удар прервал фразу Табунщикова.

– Тут я хозяин. Нет товарищей. Нет коммунистов.

– Надо его снова перевязать.

– Нет смысла. Сильного кровотечения больше не будет. Он отходит.

О ком это они говорят? Низовский слышал кряхтение Табунщикова. Тот ворочался где-то поблизости и наверняка несколько раз прикоснулся к его телу. Почему же он не чувствует

боли? Вселенная тронулась с места и поплыла назад. Голова лошади пропала из вида. Низовский повернул голову. Мимо медленно плыла белая безбрежность. Оттенки белого несколько оживляли тонкие штрихи не запорошенных пока вётел. На пологой высотке возвышалась знакомая церковка. Низовский вспомнил это место – церковь Всех Мучеников, а при ней кладбище. Кажется, именно в этом приходе храм дольше всего не разоряли. Вплоть до самой войны в домике при церкви жил длиннородый, с мужичьим лицом, многосемейный поп. Низовскому вдруг захотелось уточнить у Табунщикова, он раскрыл рот, но пересохшая, иссушенная ледяным воздухом, глотка его издала лишь тихий хрип. Красный профессор не откликнулся на его призыв, и лошадь пошла медленнее. Низовский мог рассмотреть выступающие из снега кресты и ограды могил. Возница правил в гору, ближе к кладбищенской ограде. Видимо, в этом месте летом велись бои, и церковь, и кладбище пострадали. Штукатурка во многих местах отбита. Углы стен зияют голым, выщербленным кирпичом.

До ворот на храмовый двор оставалось метров двести, когда случилось необычайное. Впрочем, Низовскому было трудно прикинуть расстояние. Между ним и полуразрушенными столбами ворот колебалась редкая пелена снежинок. Внезапно движение саней замедлилось.

– Смотри-тка! – прошептал возница.

– Погоняй! Что встал! Холодно! – отозвался Табунщиков.

– На виселицу торопишься? Гы-ы-ы!!! ...

Лай повис на устах возницы, сменившись ледяным молчанием.

– Кто эти люди?! – воскликнул Табунщиков. – Партизаны?

Звонко щелкнул затвор карабина, но выстрела не последовало – возница почему-то медлил. Всадники вылетели из-за угла здания бесшумно и стремительно. Все трое на белых, жилистых, тонконогих конях, так похожих на коня и кобылу возницы. Тело каждого укутано в тёмный плащ, а голова прикрыта башлыком и лица не разглядеть. Внезапно снег перестал, и обложенное свинцом небо брызнуло на пробитый снарядами храмовый купол тонкой струйкой чистого золота. Чахлый лучик вился и искрился вопреки всем известным Низовскому законам оптики. Фигуры всадников, гривы и копыта их коней осиял живой луч. В солнечном свете золотые диски зажглись, засияли вокруг голов всадников, подобно иконописным нимбам.

– Это не партизаны... – прохрипел Табунщиков.

Наверное, он тоже смотрел, как кони несут всадников вдоль кладбищенской ограды.

– Всё верно. Это Сергей, Никола и Георгий – почитаемые на Руси святые. Неужто, в реальном училище не преподали? Или забыл?

Солнечный луч пропал за облаками. Всадников скрыла снеговая дымка.

– Крестишься, изверг? Думаешь, твой Бог поможет?! Это Голод, Мытарь и Гроб – твои преступные подручные... Ох...

Глухой стук, стон, рычание.

– Это Никола, Георгий и Сергей. Пришли, дабы спасти святую Русь от таких, как ты. А я лишь орудие в их руках.

– Ты – орудие в руках фашистов. Небескорыстное, притом, но вполне себе результативное. Скольких перевешал, вешатель? Сколько дойчмарок отсыпал тебе господин комендант за невинно пролитую кровь соотечественников?..

Табунщиков дергался, пытаясь выбраться из-под наваленных горой тулугов, хрипел, пинался. Его успокоила пара увесистых ударов. Низовскому показалось или он действительно слышал, как хрустнула кость?

– Фы-ы-ы-ы... Ты сломал мне нос, скотина! – теперь голос Красного профессора сделался высоким, жалостным. – Проклятый расстрига!.. Ты всех предал: революционное движение предал, Родину предал, даже Бога своего предал. Я бы проклял тебя, если б верил в силу проклятия...

– Да что ты! Гы-ы-ы!!! Проклинать антинаучно! Не надо! Сбереги силы для петли, чтоб не разрыдаться на глазах у земляков, которых ты обирал с благословения Губчеки.

Гавкающим голосам непримиримых собеседников со злой надсадой подвывала метель. Внезапно сделалось невыносимо холодно. Зубы Низовского выбивали частую дробь. Лёгкие отказывались принимать в себя переохлаждённый воздух. Низовский стал задыхаться.

– Что ты делаешь, живодёр? Накрой его. Ему холодно!!! – рычал Табунщиков.

– Он отходит...

Хлопнул выстрел. Звонко зазвенела конская сбруя. Глухая и слепая, белая, холодная зима приняла Низовского в свои объятия.

* * *

Треклятая зима. Дани никогда ещё не мёрз так сильно. В первые дни ноября тихие снегопады в относительно тёплую погоду, сменялись кратковременными, но лютыми холодами. В такие дни культя начинала отчаянно болеть. Боль терзала его так же неотступно, как в первые дни после ампутации. От недели к неделе периоды жестоких морозов становились всё продолжительней. И вот наконец настала она, пресловутая русская зима. Теперь и им – солдатам и офицерам 2-й Венгерской армии, как многим до них, придётся испытать на себе всю её жестокость и коварство. Будь проклята эта степь с её узкими перелесками и дремучими борами. Будь прокляты эти тихие речки с их омутами и заливными лугами, прикрывшиеся сейчас непрочным пока ледком. Будь проклят этот город! Одно название чего стоит – Воронеж! В русской сказочной традиции ворон является вестником смерти. Они перешли Дон в середине июля. Рассчитывали пройти дальше, на юго-восток, но проклятый Воронеж встал поперёк, как кость в горле. Паршивый городишко – кривые улицы, деревянные домишки, неряшливые ограды. Дороги не вымощены. Люди коварны. Даже сдаваясь в плен, они по какому-то странному, иномирному промыслению остаются свободными.

Четыре тёплых месяца они провели в непрерывных уличных боях. Минуло лето. Мучимый страшными болями в левой руке, он не видел листопада. Осень прекратила своё существование в один день, когда на вымокшую, черную землю обрушился первый снегопад. И вот теперь, уже третью неделю над головой снег, под ногами – тонны снега. На дорогах снеговые заносы такой высоты, что автомобили скребут картером колею. Гусеницы тяжелой техники поднимают в воздух белые вихри, но и танки застревают в сугробах. Кровь стынет в жилах. В двигателях застывает масло. Со Сталинградского фронта приходят неутешительные новости.

С приходом крепких морозов фантомные боли прекратились и начались настоящие страдания – слезились глаза, из носа текло. Ноги в подбитых гвоздями сапогах нещадно мёрзли. Приходилось разуваться, растирать страдающие конечности, чтобы избежать обморожения. Но и этого провидению показалось мало. К прочим неудобствам присоединился тяжёлый, душливый, мешающий уснуть кашель. Температуры не было. Батальонной санчасти старший медик прослушал его лёгкие и диагностировал тяжёлую аллергию на мороз. Аллергия на мороз! От такой хвори ещё не придумали лекарства. Проклятая страна! Проклятый Воронеж!

А вот Шоймоши быстро освоился с русской зимой. Он даже ухитрился добыть для каждого из них по паре отменного качества валенок снежно-белого цвета, с мягкими, удобными голенищами, но слишком маленького размера.

– Такие прислали из дома, – оправдывался раздосадованный Шаймоши, когда Дани оставил попытки просунуть ногу в узкое голенище. – Но, с вашего позволения, я брошу их на заднее сиденье. Может, для чего-нибудь пригодятся.

Офицеры венгерской армии завидовали Дани. Такой ординарец, как Шаймоши, – настоящее сокровище. Вот и теперь он сумел растормошить водителя в тот момент, когда тот уже начал паниковать.

– «Хорьх» – хорошая машина, – приговаривал Шаймоши. – Эх, где наша не пропадала! Проедем и по этим снегам.

– Слышишь скрежет? – отвечал водитель.

– Ну и что!

– Это картер скребёт по колее! Эх, ты деревня! «Хорьх» тебе не гужевая повозка! Застрянем – никто не вытянет. Когда ещё жандармы выгонят народ на расчистку дороги. Одна ночь на таком морозе – и все мы мертвецы. Снегу завалит – и хоронить не надо до весны.

– Отставить панические разговоры! – прорычал Дани.

В груди клокотало. Предплечье левой руки заныло. Водитель повернулся к нему в профиль. По-птичьему настороженно уставился правым глазом.

– Вас зовут Эрнэ Чатхо. Покойный капитан Якоб рекомендовал вас, как лучшего из водителей. Я и сам помню вас по нашим приключениям в Воронежском аду, – превозмогая боль, Дани всё же старался казаться великодушным.

– Петли ладить он не умеет, – буркнул Шаймоши. – А эта наука для военного времени самая необходимая. Как с милосердием вздёрнешь человека, если петля неправильно увязана и не скользит...

– Вы из каких мест родом? – прервал ординарца Дани. – Мы с Шаймоши оба с Будаевского холма. Земляки. Хоть в этом повезло.

– Я из Польгарди, – не без гордости отозвался Чатхо.

– Тоскуешь по дому?

– Ещё бы! У нас такой зимы не бывает. В это время мой сосед, Корбули, уже примеряет шубу и колпак Микулаша⁶. Но в шубе и колпаке Корбули потеет. Вы не знаете Кобули, господин? А ты Шаймоши?..

– Дался нам твой Кобули! – фыркнул Шаймоши.

– Кобули в Польгарди каждый знает!

– Твой Польгарди – жуткая дыра. Господин лейтенант родом из Буды, да и я тоже...

– Ты, Шаймоши, тоже деревенщина, – огрызнулся Дани.

– У господина лейтенанта болит левая рука, – зашептал Шаймоши в ухо водителю. –

Поэтому он такой злой.

– Как может болеть то, чего нет? – так же тихо удивился водитель. Вот уж действительно деревенщина! – А господин лейтенант злится, потому что он – Ярый Мадьяр.

– Ты знаешь Ярого Мадьяра? – Шаймоши широко улыбнулся.

– Кто же его не знает? Вся армия знает убийцу русских – Ярого Мадьяра.

– Да! Господин лейтенант много народу поставил к стенке. А ещё больше – убил в бою.

Кисть левой руки ныла и дёргала всё сильнее. Где справедливость? Нет справедливости на этой черной земле. Летом пролитая на неё кровь впитывается без остатка, не меняя её цвета. Зимой всё застывает под снегом. Но земля-то остаётся черной. Лишь делая вид, что поддается внешним воздействиям, она не меняет своей сути. Это человек нарождается, взрослеет, стареет, умирает. Человек меняется, но не меняется земля, по которой он ходит. Он калечит её бомбами, мнёт гусеницами тяжелой техники, он выжимает из земли все соки, стараясь прокормить себя и семью. А она не скудеет, не старится, не устаёт, не испытывает боли.

Дани посмотрел в окно. Редкие кустарники и ещё более редкие деревья проплывали по обочинам дороги. Русский холод прохватывал нутро автомобиля. Двигатель, отчаянно гудя, отказывался выдавать нужную мощность. Чатхо поругивался себе под нос, мешая русские и венгерские выражения. Дани слушал равнодушно. Он привык к брани. Он ко многому привык, даже собственной, новоявленной жестокости перестал удивляться. Плавно раскачиваясь, их автомобиль пока ещё катился между сугробов. Фары освещали только густо падающий снег –

⁶ Микулаш – венгерский Дед Мороз.

больше ничего. Время от времени Шаймоши покидал автомобиль, чтобы разведать дорогу. Он выпрыгивал на ходу и бодро рысил вперёд, словно свет фар подталкивал его в спину.

Снег выбелил ранние сумерки. Белая пелена накрыла всё: и небо, и землю, и редкие кусты по обочинам дороги. Боковые стёкла запотели. Ноющая боль в отнятой кисти не помешала Дани погрузиться в лёгкую дрему. Снег сменился серой золой. «И чёрные кудри её присыпало золой», – кажется так говорят русские о стареющих женщинах. Да, серый пепел и зола сплошь покрывала черную землю. Зола набивалась в волосы, она скрипела на зубах, она пропитывала одежду, мешала дышать и видеть, набивалась под веки, вызывая мучительную резь в глазах. Минувшим летом, когда он потерял кисть левой руки, черная земля этих мест сплошь покрывалась пеплом и золой. Серый налёт покрывал почерневшие остовы домов. Пейзаж застыл, превратившись в черно-белый снимок. По бескрайним лабиринтам руин бродили неприкаянные тени: женщины в ужасающих лохмотьях, мужчины в военной униформе без знаков различия, дети с лицами стариков, обезумевшие от горя старцы и старухи. Они всматривались в Дани голодными ищущими глазами, и каждый задавал один и тот же вопрос:

– Не встречали ли вы лейтенанта второй венгерской армии господина Даниэля Габели?

Дани отворачивался, делая вид, что не расслышал вопроса. Так продолжалось до тех пор, пока одна темноволосая, не первой молодости женщина обратилась к нему иначе. Дани вовсе не хотел разговаривать с ней. Завидев издали, отвернулся. Даже собрался скрыться в открытом зеве какого-то полуподвала, но она нагнала его и, крепко ухватив за левое запястье, проговорила:

– Меня зовут Маланья, и я хочу отдать вам вашу руку.

Дани обернулся, чтобы посмотреть в лицо женщине, но за его спиной была лишь пустая улица с рядами остывших руин по левую и правую сторону. И ни одной живой души, лишь обугленная яблоня роняла свои сморщенные плоды на доски повалившегося забора.

Ледяное дуновение освободило Дани из застенок дурного сна. Он разомкнул веки. На переднем сиденье «хорьха» снова шевелилась широкая фигура Шаймоши. Дани протёр правой, здоровой ладонью, запотевшее стекло. Мимо медленно плыл всё тот же чёрно-белый пейзаж. Летом – удручающий зной. Зимой – смертоносный холод. Суждено ли им пережить эту зиму?

– Да, я уничтожил множество русских, – тихо произнёс Дани. – А теперь русская зима отомстит мне за них. Что это? Почему мы остановились?

Двигатель «хорьха» последний раз взрычал и заглох. Хлопнула водительская дверца. Снаружи послышался металлических скрежет.

– Он пытается оживить мотор, – тихо проговорил Шаймоши.

– Помогите ему... Хотя, мне кажется, это бесполезно.

Шаймоши выскочил наружу. Салон «хорьха» ещё удерживал тепло. Оставшись в одиночестве Дани снова задремал.

Ему грезились осквернённые бомбовыми разрывами кладбища. Тени мертвецов бродили между покосившимися крестами. Призрачные лица их смотрели пристально, с любопытством, без осуждения, словно оценивая, будто примериваясь, как ухватить, как утащить в свои пустующие могилы.

Иногда тихая перебранка унтер-офицеров – водителя и ординарца – пробивались в его сновидения. С Чатхо они познакомились непосредственно перед выездом из Латной. Деревенщину Дани навязал начальник штаба, позабыв даже представить. Они собирались в дорогу с оправданной поспешностью – в Семидесятское следовало добраться до наступления ночи. В ноябре световой день в этих местах короток, а пурга так застила дневной свет, что утренние сумерки сразу после полудня превращаются в вечерние. День не наступает. Такая погода в совокупности с непроходящей усталостью навеивает дрему. Дани прикрыл глаза. На этот раз ему приснился праздничный ужин в день его рождения.

* * *

Это произошло в середине минувшего лета, в самый разгар уличных боёв. На одной из улочек в окрестностях больницы, они нашли уцелевший дом. Вдоль серых штакетин ограды хозяйка высадила желтые цветы. Русские называют их «золотыми шарами». Там, в тени старой яблони, они поставили стол. Нашлась даже белая скатерть и хрусткие от крахмала, льняные салфетки. Шампанское добыть не удалось. Пришлось довольствоваться посредственным бренди. В начале праздничного вечера их было четверо. К утру в живых остался один Даниэль Габели. Но в уплату за сохранение жизни ему пришлось отдать вечности кисть левой руки. Он помнил, как врач отсекал её раскалённым лезвием топора, как на его халате прибавилось алых пятен. Нет, боли он не чувствовал – ярость и остатки не выпитого товарищами бренди приглушили боль. Так и есть, именно тогда Дани впервые испытал Ярость! За брезентовыми стенами госпитальной палатки скрежетал железом и ухал гибнущий мир. Но Дани слышал лишь скрежет собственных зубов. В тот же день он взял в правую, здоровую руку автомат. В тот же день он не командовал расстрелом пленных, а сам встал в центр расстрельной команды. Лицо русской женщины и её малолетних сыновей снова припомнилось ему. Половина взвода, как обычно, стреляло поверх голов. Потому он лично и щедро полил тела врагов свинцом, а потом, уже мёртвых, приказал повесить над воротами городской больницы для устрашения её защитников, но те нимало не испугались. Тогда Дани взял в руки огнемёт и поджег тела. Запах горелого человеческого мяса – самый вычурный и страшный из ароматов лета 1942 года. Дани фыркнул, закашлялся и проснулся.

* * *

– Ты обжёг меня, деревенщина! – ворчал Шаймоши. – Руку решил мне поджечь?
– Нет, что ты! Я просто думал – оно не загорится.
– Думал! Ах ты!..
– Потри снегом... На таком морозе топливо застывает, – бормотал водитель. – А ведь сейчас уже не сорок первый год. Могли бы..
– Отставить панические разговоры! – вяло произнёс Дани, и оба унтера примолкли.
Дани окончательно проснулся. Двигатель молчал. «Хорьх» всё ещё стоял на месте, но он слышал ритмичное постукивание – это зубы водителя выбивали частую дробь.
– Скоро сядет аккумулятор, и тогда станет не только холодно, но и темно, – тихо проговорил уроженец Польгарди.
Дани устал возражать. Лишь плотнее закутал голову в башлык.
– Я пойду в деревню, – сказал Шаймоши. – Тут недалеко.
– Что за деревня? – спросил водитель.
– Девица, – отозвался Шаймоши.
– Там нет ни одного целого дома, – вздохнул водитель. – До следующей деревни – я забыл её название – двадцать километров.
– Староникольское, – мрачно подсказал Дани.
– Господин лейтенант так хорошо говорит на местном наречии... – угодливо заметил водитель.
– В Девице есть один целый дом – хижина местного пастуха. Клоповник, – прервал его Дани.
– Мы все наденем валенки и пойдём. Всего восемь километров. Ха! Ерунда! – вскричал Шаймоши.
– Твои валенки, Шаймоши, налезут мне разве что на нос, – сказал водитель.

Дани задумчиво уставился на внушительный нос водителя. «Хорьх» быстро остывал. Становилось всё холоднее.

– Мы пойдём вместе, но валенки надевать не будем. Ну?! Марш-марш!

Дани выскочил из автомобиля в метель. Оба унтера последовали за ним. На улице было много холоднее. Колочей ветер прохватывал до костей. Остаться возле машины – умереть быстро и наверняка.

– В какую сторону пойдём? – спросил Шаймоши.

Резонный вопрос. Действительно, в какую?

Правая рука уже замерзла и плохо слушалась, но Дани кое-как удалось извлечь из планшета карту. Взбесившийся ветер трепал лист бумаги, сыпал на него белую крупу. В угасающем свете фары они несколько минут рассматривали голубоватые, извилистые узоры рек и зелёные пятна лесных массивов. Куда утекли эти реки? Где леса? Всё стёрла белая пурга.

– Мы потерялись... – пролепетал водитель.

– Отставить панические разговоры, – привычно рявкнул Дани.

Шаймоши всматривался в метель.

– К нам кто-то едет, – после минутного молчания проговорил он.

– Я не вижу света фар, – сказал водитель.

– Они едут в санях, – Шаймоши сделал несколько неуверенных шагов назад, по пробитой ими колее.

– Русские ездят с колокольчиками, – возразил водитель. – А я слышу только вой метели.

– Эти едут без колокольчика, – сказал Шаймоши. – Может, они партизаны?

Дани поспешно сунул карту под передний бампер «хорьха» и вытащил из кобуры пистолет. Не откажет ли оружие на таком морозе? Водитель тоже вооружился. В багажнике «хорьха» у него хранился целый арсенал – всё в свежей смазке. Водитель щелкнул затвором винтовки.

– Эй! Китио е на наши! – закричал Шаймоши и замахал руками.

– На каком языке он говорит? – спросил водитель.

– Шаймоши думает, что знает русский язык, – усмехнулся Дани.

Дани выстрелил в воздух по двум причинам. Во-первых, надо проверить работоспособность оружия. Во-вторых, привлечь внимание следующих по дороге людей. Пусть пурга овладела всей округой, но даже в такую погоду партизаны вряд ли решатся открыто разъезжать по тракту.

Наконец из снежной пелены вынырнула понурая кляча. Следом за ней тащились сани. Человек, сидевший на передке саней был одет в лохматую, русского фасона шапку и длинно-полый, вывороченный тулуп. Следом за санями из пурги вышли две лошади – конь и кобыла. Оба взнузданные и покрытые странными, меховыми покрывалами. Впотьмах Дани принял их за медвежьи шкуры. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что покрывала пошиты из овечьего меха. Обе лошади, подобно собакам, трусили следом за санями.

– Посмотрите-ка, господин лейтенант! Это Микулаш! Клянусь мощами святого Иштвана! – закричал Шаймоши.

Дани присмотрелся. Действительно, лицо возницы украшала довольно длинная и широкая, совершенно белая борода.

Микулаш издал страшный вопль. Лошадёнка остановилась.

– Я знаю тебя! Ты – Гюла Шаймоши, – возница говорил на школярски-правильном немецком языке. Разумеется, из всей его речи Шаймоши разобрал только собственное имя.

– Эй, ты! Говори по-русски! – крикнул Дани.

– Ярый Мадьяр!!! – взревел возница. – А-а-а!!!

Водитель сделал предупредительный выстрел из винтовки. Тоже хорошо! И это оружие исправно! Проклятая русская зима лишила их транспортного средства, но не смогла разоружить.

- Прикажи своим людям не стрелять, ваше благородие! – сказал возница.
- Кто ты?
- Я – Матвей Подлесных, дед Матюха, Колдун. Называй как хочешь, но не стреляй!
- Куда следуешь? Говори!
- Сам не ведаю куда, ваше благородие. Хотел добраться до Семидесятского, но в такую пургу нынче уж туда не попаду.
- Сколько километров до Девицы? И в какой она стороне?
- Пара-тройка вёрст. Но лучше уж следовать в Староникольское. Там есть жилые дома и можно добыть еды.
- У нас с собой сухой паёк. Голодным не останешься. Решено: следуем в Девицу. Эй, как там тебя... – Дани обернулся к водителю и заговорил по венгерски.
- Вытаскивай всё из багажника и перекладывай в сани. Выполняй!
- Унтеры кинулись выполнять приказание.
- Ваше благородие, у меня в санях пленный! – сказал возница.
- Так посади его на лошадь или пусть топаёт пешком.
- Не-е-ет! Он идти не может, потому как ранен как раз в ногу.
- Чёрт тебя дери! Так выкини его! Эка невидаль, русский пленный!
- Не-е-ет. Этот человек – диверсант. Мне за него господин комендант отслонявит пригоршню дойчмарок, прежде чем вздёрнет его перед комендатурой.
- Им всё же удалось договориться. Шаймоши сел на передок. Сам дед Матюха взгромоздился в седло своего тощего коня, водителя удалось усадить верхом на кобылу, а Дани устроился в санях рядом с пленным. Матвей Подлесных накрыл обоих огромным, изготовленным из овечьего меха одеялом, которое называл странным словом «бурка». Тот не двигался, молчал и, казалось, пребывал в забытии. Русский не очнулся даже после того, как Дани осветил его лицо лучом карманного фонарика. Странно симпатичным и мимолётно знакомым показалось ему лицо этого русского мужика. Осунувшееся, почерневшее от холода и усталости, оно хранило странно-безмятежное выражение. Такие выражения Дани видел иногда на лицах приговорённых к смерти людей.
- Что, залюбовался, твоё благородие? – дед Матюха склонился с седла. – Красивый, да?
- Что ты мелешь, сволочь? – прорычал Дани.
- Да про тебя всякое треплет народ... Я вот думаю – может, правда.
- Да что ж такое про меня треплет народ?
- А то, что вот этот вот Шаймоши до тебя будто мальчиков водит. Гы-ы-ы...
- А не вздёрнуть ли и тебя рядом с этим вот... Как его? Имя? Кличка? Знаешь что-нибудь о нём?
- Не-е-ет. Меня так просто не вздёрнешь. Я нужен господину коменданту для его важных нужд. И тебе могу пригодиться. Рука-то левая болит? Болит! По-научному это называется фантомные боли. Я могу сделать так, чтобы не болела и рука, и душа. Излечить многое, не поддающееся фармакопейным средствам. Это во-первых.
- Что же во-вторых? Эй, Шаймоши, трогай!
- Сани тронулись. Тощий конь Колдуна побрел рядом с санями. Следом за ним потянулась и кобыла с водителем в седле.
- Что же во-вторых? – Дани повторил свой вопрос. Белобородый русский начинал нравиться ему.
- А, во-вторых, имя этого человека, – он указал на пленника. – Родион Табунщиков. Он же – Красный профессор.
- Ну и что?
- А то! Он руководил школой диверсантов под Борисоглебском.
- Он? Школой диверсантов? Ты его допрашивал? Пытал?

– Не-е-ет. Дед Матюха только лечит – не пытается. Дед Матюха всё местное население до последнего желтушного младенца знает, вплоть до каждого погоста – кто и где похоронен знает...

– Довольно!!!

– Не-е, погоди! А вот этого вот, Красного профессора, так же знает вся округа. Важный человек! Коммунист! Ты не смотри, что он у тебя под боком бесчувственный валяется. В былые времена он весьма и очень чувствительным являлся. Особенно к нуждам крестьянской бедноты.

– Расклячивал? – спросил Дани. Он решил для себя, что лучше уж слушать речи сумасшедшего «Микулаша», чем просто так, бессмысленно мерзнуть.

– И расклячивал, и порол, и в холодную сажал. Такого человека нельзя оставить замерзать. До того как стать сильно учёным профессором, этот человек красными конниками командовал. Он важный красный кадр. Пусть господин комендант на него полюбуется. Пусть в волостной газете портрет Родиона Петровича с табличкой на шее напечатает для большей идеологической убедительности.

– Погоняй, Шаймоши! – приказал Дани.

Но отвязаться от деда Матюхи не удалось. Весь путь до Девыцы тощий конь Колдуна трусил рядом с санями, а всадник затянул какую-то неслыханную ранее печальную песню. Позёмка подпевала ему натужным воем на высоких нотах. Копыта лошадей аккомпанировали в такт. Скоро Дани удалось справиться с раздражением, и он стал прислушиваться к словам песни:

– Мы не пивом и не водкой в наш последний вечерок самогоном зальём глотку и погибнем под шумок! Не к лицу нам покаянье, не пугает нас огонь!.. Мы бессмертны! До свиданья, трупом пахнет самогон!..⁷

– Дикий народ! – обернувшись, проговорил Шаймоши. – И песня его похожа на волчий вой.

– Тише ты, – улыбнулся Дани. – Услышит твои слова, обидится. Сейчас мы в его власти. И так будет, пока не доберёмся до Семидесятского.

– Но он же не понимает венгерского языка!

– Тише, говорю! Только хмурая Мадонна русских ведаёт о том, что он понимает, а что – нет.

– Они же коммунисты, господин лейтенант! Какая там Мадонна!

– Этого человека называют монахом и колдуном. Вряд ли он когда-либо был коммунистом.

– Дьявол разберёт этих русских! – фыркнул Шаймоши. – Разве может монах быть одновременно и колдуном?

– У русских – может. По понятиям коммунистов монах и колдун не есть явления однозначно чуждые, – усмехнулся Дани.

– Дьявол этих русских разберёт! – повторил Шаймоши.

Пурга и слепящие слёзы в глазах не помешали Дани заметить, как скривился, как поспешно перекрестился русский, с каким свирепым недовольством поглядел он на Шаймоши.

* * *

– От Девыцы до села Семидесятского по прямой двадцать вёрст через поля. Открытое место. А пурга уже завертелась. Надо укрыть лошадей. Смотри: мерин едва жив. Да и ты тоже...

⁷ Авторство песни приписывается участникам «антоновского восстания» в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг.

Невидимка рассмеялся. Смех его очень походил на лай лисицы и совсем не понравился Октябрьине.

– Мы можем остановиться в Ключах... – ответил насмешнику тихий голос.

– Ключи разрушены до тла. Три трубы осталось. Больше ничего.

– Тут тоже... ничего...

Октябрьина услышала звон сбруи. Видимо, один из двоих – возница распрягал лошадь. Девушка прильнула лицом к дверной щели и сразу отпрянула. Она терла глаза и щеки, стараясь справиться с дыханием.

– Господи! Тот самый мерин! – прошептала она.

– Что это за шваль тут Господа нашего поминает всеу? А?

Незнакомец обладает тонким слухом. За воем позёмки и звоном сбруи ухитрился слышать её восклицание.

– Эй, сволота! Открывай дверь пошире! Со мной раненый!

За этими словами последовал увесистый удар по полотну двери. Октябрьина отскочила в сторону. Дверь распахнулась. Две облепленные снегом фигуры явились на пороге избы колхозного пастуха.

– А у тебя тепленько! – проговорил тот, что был выше ростом.

Октябрьина потеряла дар речи. На плече высокого, сухощавого, украшенного белейшей бородой человека, посиневший то ли от холода, то ли от кровопотери висел человек с перевязанной левой ногой. Белобородый держал его легко, просто повесил на плечо головой вперед. Едва оказавшись в тепле раненый поднял голову, чтобы поймать взгляд Октябрьины. Его правильное лицо было обезображено – нос раздулся в безобразную сливу, оба глаза заплыли синевой. Но он мог бы и не поднимать головы. Октябрьина признала бы отца по очертаниям рук и плеч, по выбеленному бобрику на макушке, по подшитым собственными руками валенкам, наконец. Очень захотелось, язык чесался, справиться о Низовском, но Октябрьина благо-разумно промолчала.

– Испугалась? – спросил белобородый. – Ах ты какая хорошенькая! Ты тут одна? Что? А ну, геть в сторону!

Получив увесистую оплеуху, Октябрьина едва не завалилась на спину, а пришелец, сопровождаемый волнами холодного воздуха, прошел в глубину избы и опустил свою ношу на лавку, под окно. Опустил довольно грубо, без особого бережения, так сваливают возле печи охапку поленьев.

– Ты тут одна? – снова спросил белобородый.

Пришелец буравил Октябрьину синим взглядом – ни спрятаться, ни отвертеться. Пришлось преданно смотреть в эти чужие, звериные глаза. Только у какого же зверя может быть такой вот синий, холодный взгляд? У волка? Пожалуй – нет. Волк – теплокровное животное и вскармливает своих детёнышей молоком. Неясыть? Но у пернатого хищника, скорее всего, желтые глаза...

– Залюбовалась? Нравлюсь? – белая борода незнакомца раздвинулась в улыбке, но глаза его смотрели всё так же холодно и настороженно. – Ступай на двор. Обслужи лошадей. Да будь осторожна. Мой конь кусается.

Октябрьина метнулась за шубкой. Валенки она, как утром натянула, так и не снимала. И это хорошо. Пожалуй, совестно было бы обуваться под этим холодным, пронзительным взглядом. Ведомые шустрым Лавриком, они добирались до Девуцы засветло. Сразу же затопили печь, но выхоложенную избу удалось согреть только к ночи. Заслышав стук в дверь, оба – Ромка и Лаврик – сиганули в подпол. Теперь посреди пола, прямо перед печью зиял кожаной потёртой ручкой люк подпола. Истоптанный половинок валялся в стороне. Сердечко Октябрьины заполошно колотилось. Как передвинуть половинок, если дед Матюха с хищным любопытством рассматривает её? Что будет, если он решится заглянуть в подпол?

– Тут есть ещё кто? Позови подмогу, – проговорил белобородый.

Отец громко и протяжно застонал. Октябрина вздрогнула. Кто этот человек? Свой или... Если – нет, то отец у него в плену, а значит, в плену и она, Октябрина.

– Я пить хочу, – внезапно произнес незнакомец. – Да и Родиона надо напоить.

Незнакомец назвал отца по имени! Значит, успел допросить! Значит, отец назвал себя! Пытаясь укрыться от тревожных мыслей, Октябрина полезла за печь. Стараясь не греметь посудой, разлила по кружкам самогон. Плеснула помалу, больше остереглась. Выбравшись из-за печи, она застала незнакомца, склонившимся над отцом. Нет, похоже он не желал Красному профессору зла. Скорее наоборот. Незнакомец сначала оттянул книзу его веки, потом попросил показать язык, и отец послушно выполнил требуемое. Выполнил! Значит, пришёл в сознание! Октябрина подскочила ближе и протянула незнакомцу обе кружки. Прежде чем поить раненого незнакомец тщательно обнюхал и даже попробовал на язык содержимое обеих кружек, крякнул.

– Открывай рот, Красный профессор. Ну!

– Что это за пойло?

– Девка-комсомолка подала. Из крестьянской бедноты. Классово родственная. Авось не отравит. Ну?

Отец принял из рук белобородого кружку. Он пил медленно, смакуя каждый глоток крепкого пойла, а белобородый отошёл к печи. Не выпуская кружку из рук, он прикладывал к печному боку то левую, то правую ладонь. Вот кружка в руках отца опустела, а щеки его порозовели. Взгляды отца и дочери на миг пересеклись, но Красный профессор быстро сомкнул веки.

– Что это? Самогон? Гы-ы-ы!!! Откуда?

Незнакомец ещё раз понюхал содержимое кружки и скривился.

– Фу!

– Не нравится, дедушка?

– Ах ты, хитрюга! Ну, признавайся, комсомолка?

– Нет...

– Из кулаков?

– Ну...

– Либо ты комсомолка, либо из кулаков, – дед прищурил глаза. – А самогон твой трупом пахнет.

И он выплеснул содержимое кружки себе под ноги.

– Ты комсомолка...

– Какое это имеет значение...

– Что? Какое значение? Имеет?

Белобородый снова вцепился в неё синим взглядом. Октябрина давно уж привыкла к тому, что мужчины и парни – все без исключения – смотрят на неё с таким вот выражением. Мама называла это «мужским интересом». Октябрина приучила себя встречать такие вот взгляды с горделивой отвагой. И сейчас она вполне отважно отбросила косу за спину и стала в свой черед рассматривать белобородого. Широкий лоб, виски, щеки – все части его лица, не закрытые бородой, были гладкими и смуглыми, отчего борода казалась ещё блее. Такой цвет кожи бывают у людей, много времени проводящих на свежем воздухе. Между белой бородой и чуть желтоватыми усами шевелились пухлые розовые губы. Улыбаясь, белобородый показывал ровный ряд таких же белых, как его борода, зубов. Странно! Раньше она замечала, что у пожилых людей губы сморщены, как гофрированная бумага для детских поделок, а зубы черные от табака, или стальные, или их нет. Может быть, белобородый не так уж стар и она напрасно назвала его дедом?

– Ты называй, называй меня дедом, комсомолка. Разрешаю! – усмехнулся белобородый, словно услышав её мысли.

- Я не комсомолка...
- Отрекаешься от партийной веры?
- Я не...
- И от Бога отеклась?

Октябрина вспыхнула. Отец готовил её к допросам. Готовил и к тому, что, возможно, придётся принять страшные муки. Но сейчас, этот человек смотрел на неё со странным выражением. Разве станет хищник любоваться своей жертвой перед тем, как разорвать её? Разве может одно существо предать другое мукам и смерти, горячо при этом любя? Октябрина прочитала множество книг, но ни в одной из них не рассказывалось про такое.

– Откуда ты взялась здесь? – продолжал дознаваться белобородый. – Не родня же ты девичьему пастуху. Я таких родственниц у него не видывал. А в избе этой мне доводилось бывать не раз. Да и где сейчас пастух-то, а?

- Он уехал по дрова. Скоро вернётся.
- По дрова? На чём? Лошадёнку его твой колхоз реквизировал.

Октябрина молчала.

– Ладно, не кочевряжься, дурочка. Следом за нами придут мадьяры. Совсем скоро. Троих мы выгребли из заглохшего «хорьха» и хотели уж везти сюда, но в дороге повезло – встретили реквизированную красноармейскую полуторку. В полуторке ещё трое мадьяр оказалось. Они все совокупно к «хорьху» вернулись. На буксир ли возьмут или раскочегарят двигатель – не знаю.

– Может быть, они поедут в Семидесятское? – с надеждой спросила Октябрина.

– Нет! Они притащат «хорьх» сюда. Здесь останутся ночевать. Будут пережидать пургу и дальше отправятся по свету. Теперь их всего шестеро. Три унтера. Два солдата. А офицер один. Но какой!

– Какой, дедушка? В высоких чинах? Генерал?

– Не-е. Лейтенант. Но какой! Сам Ярый Мадьяр.

– Кто?

– Убийца русских. Ты шубейку-то накинь да следуй за мной. Там лошади на морозе. Если их быстро не обходить – скоро передохнут. Марш-марш, комсомолка!

Белобородый, громко хлопнув дверью, вышел наружу. Октябрина схватила шубу.

– Тяпа! – окликнул её отец.

– Я сейчас. Только помогу ему, иначе он нас убьёт. Ребята... – начала она.

– Пошла вон! – отец приподнялся на скамье. Его душил кашель. – Не говори мне, где они. Меньше знаешь – легче помрёшь. Он по-любому убьёт. Ты не разговаривай со мной. Вида не подавай, тогда есть шанс выжить. Тяпа!

Октябрина заставила себя глянуть в отцовские глаза.

– Это и есть тот самый Колдун-вешатель. Спрячь косы под платок. Мордашку золой потри. Ну! Беги!

Октябрина повиновалась. Уже готовая выскочить следом за Колдуном, она всё же задержалась, чтобы накрыть половичком злосчастный люк.

* * *

Они вместе заводили лошадей через сени на пустой сеновал. Вместе задавали им корм. Октябрина таскала из горницы чугуны с горячей водой, выволакивала из подклети через низенькую дверцу мешки с мёрзлым фуражом. Она дважды спускалась в подkletь. Ребята сидели тихо, ничем не выдавая своего присутствия. Накрытые старыми тулупами и рваными, пахнущими клопом одеялами, лошади жались к стене, согретой тёплым боком печи, хрустели

плохо запаренным овсом. Зубы Октябрины выбивали частую дробь, и она радовалась стуже. Пусть Колдун думает, что она замёрзла. Пусть не замечает её ужаса.

– Ничего! Сытые брюхом не замёрзнут, – приговаривал белобородый, оглаживая костистые лошадиные морды. – Каждая тварь в такую годину голодает – и солдат, и животное. Но хуже всего замерзающим в снегу партизанам. Так, комсомолка?

* * *

– Дурочка ты, совсем дурочка, комсомолка, – бормотал Колдун, отряхивая снег с овчинного воротника. – С лошадьми совсем не умеешь обращаться. А ведь пастух когда-то держал собственную кобылу. Была кобыла у пастуха, да ускакала, обобществили её. То есть в колхоз забрали.

– Я этого не помню, – пролепетала Октябрина.

– Если родня пастуху – должна помнить, – рявкнул Колдун. – Ну! Ступай теперь стотовь горячего. Ну! Торопись!

Поймав мимолётный взгляд отца, Октябрина метнулась к печи, загремела посудой. Она тут не хозяйка. Где, что, сколько и почему положено – она ничегошеньки не знает, а вида нельзя подать, иначе... Она сама не заметила, как начала молиться. И было за что возносить хвалу Господу!

А Колдун вынул из саней и опорожнил на стол два больших картонных короба, полных разнообразной, богатой снедью.

– Мадьярский сухпай, – пояснил он. – Вторая венгерская армия пока ещё хорошо снабжается. Не все пути диверсанты подорвали.

Ей снова пришлось выдержать едкий, как кислота, долгий взгляд.

– Там должны быть колбаса и бекон. У мадьяр всегда есть колбаса и бекон. Ты знаешь, что такое бекон, комсомолка? Бекон – это мадьярское сало. Распаковывай, – командовал Колдун. – Да приготовь что-нибудь горячее. Да побольше наворачивай. Скоро мадьяры подтянутся.

– Когда они ... придут, вы отправите пленного вниз, в холодную?

– Нет. Он слишком ценный человек. Нужно доставить его в Семидесятскую. До этого он не должен умереть.

– А в Семидесятской? Что станет с ним там?

– А там его, скорее всего, повесят!

Октябрина расспрашивала Колдуна, не отрываясь от работы. Обязанность кухарки помогала преодолеть страх. Она схватила ковш, побежала в сени, к бадье, наполнила чугунок водой и стала сыпать в него затвердевший на морозе картофель.

– Неправильно всё делаешь, – комментировал Колдун. – Сначала картоху сыпать. Потом воду лить, да не сырую, не холодную. Кипяток надо лить. Эх, неумеха! Интеллигенция, да? Из тебя такая же племянница пастуха, как из меня комиссар. Пастух-то дремучий был мужик. Бобыль. Чудо, что мохом не оброс. А вот сестра пастуха – вдова бездетная. Помнишь её? – совсем иное дело. Что-то неуверенно так киваешь. Вот недоумеваю. Откуда у него такая-то родня? От других сестёр-братьев? Да были ли они?

Октябрина крепилась. Она резала ломтями сало. Сало-то действительно было чудное, розовое, обсыпанное оранжевой паприкой, с широкими прожилками розового мяса. Она кухарничала, подбрасывала в топку поленья, стараясь не смотреть на Колдуна, ёжилась под его взглядом. Руки плохо слушались её.

– Послушай, Колдун, – внезапно сказал отец, и голос его показался Октябрине очень твёрдым, словно не намёрзся он, словно не настрадался от раны.

– Чего тебе?

– Отпусти меня.

– Ха! Да я бы отпустил. Но куда ты пойдёшь? Завтра рана твоя начнёт гнить. Через линию фронта тебе не перейти, а вот до виселицы ты ещё можешь дожить.

– Какая тебе забота о моей жизни? Ну, положим, меня не повесят, а издохну я в снегу. Гарантированно издохну. Тебе-то не всё равно?

– Твоя судьба быть повешенным, Красный профессор. Помнишь, я тебе обещал? Не повесили в семнадцатом, так повесят сейчас. Божий промысел можно лишь отложить, но отменить нельзя.

– Я знаю, за что ты мстишь мне!..

– Я? Гы-ы-ы!!! Не-е, я не мщу. Мстительность сродни гордыне и суть страшнейший из грехов. Не мститель я, но орудие Господа.

– Небескорыстное.

– Конечно! Надо же на что-то жить, а за таких, как ты, господин комендант платит дойч-марками. За живых – дороже. За мёртвых – дешевле. Ты, конечно, всё равно издохнешь, но я не хочу терять свои деньги.

– Отпусти. Это тебе зачтётся за покаяние перед партией. Ты уже каялся раз, Колдун. Покаешься и вторично. И партия примет твоё покаяние.

– Я беспартийный...

– Конечно! – лицо Родиона Петровича пылало. Октябрина старалась не смотреть на темнеющие в его подглазьях кровоподтёки, а отец горячился и, казалась, вовсе забыл о своих увещьях. – Тогда тебе придётся ответить за содеянное. Тебя будут судить. Судить по совокупности и за нынешние твои поступки, и за прежнее лживое покаяние.

– Я каюсь только перед Господом.

Родион Петрович хотел возразить, но закашлялся. Колдун смотрел на него с брезгливым интересом. Октябрине страшно хотелось вступить за отца. Никто не смел смотреть на него вот так, как на последнего гада, как на платяную вошь или крысу, но, сцепив до скрипа зубы, Октябрина молчала.

– Ты, Колдун, и по молодости был подлецом. Я знаю и свидетельствую: скопидомная тварь, приспособленец и приживальщик у эксплуататоров трудового народа. Конечно, ты не полюбил революции. Конечно, в тайне озлобился, а покаяние твоё – фальшивка. Хочешь ли ты знать, девушка, кто это такой?

– Бывший кулак? – робко спросила Октябрина.

Больше всего ей сейчас хотелось успокоить отца. Подать ему чаю или, по нынешней скудости, хоть кипятка, но она не решалась, опасаясь выдать их обоих. Родион Петрович как-то слишком уж выразительно глянул на Октябрину, а та дрогнула, заметив, что Колдун перехватил его взгляд и быстро отвернулась.

– Я вам лучше расскажу кое-что из истории родного края, Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, – теперь голос отца зазвучал ровно и уверенно, словно он стоял на университетской кафедре.

Колдун отчего-то заволновался, подался было к двери, но на улице выло и мело ненастье. Пришлось вернуться и слушать..

* * *

– Матюху Подлесных в Борисоглебском уезде знал каждый. Кто помнит господский дом внука декабриста Волконского в Павловке, тот помнит и библиотеку во флигеле. Там, на втором этаже, висел портрет царя Николая Кровавого в натуральную величину. Хозяин поместья, князь Сергей Михайлович очень любил и эту комнату и этот портрет. Там были разные вещи, старые, привезённые его дедом и бабкой из Сибири. Поднимаясь в княжеский кабинет, я каждый раз проходил через «Сибирский музей», знал все картины и фотографии наперечёт: порт-

реты декабристов, виды казематов, дед и бабушка князя в камере. На князе арестантская роба. Вдоль стен стояли витринные шкафы. В них документы, вещи, бывшие в Сибири. Поучительно.

Личность его кровавого величества мне по сей день во снах снится. С цепями и киянкой в руках является. Царь мне про Читу рассказывает, про Петровский завод и Благодатный рудник...

– Нехорошие сны для коммуниста, – заметил Колдун, но Красный профессор продолжал говорить так, словно в комнате он был один, словно его история не предназначалась для чужих ушей, а говорил он только для себя.

– Помню в библиотеке было окно огромное на западную сторону. А оконные рамы – дубовые. Такие огромные окна я только в княжеском доме и видывал. После окончания реального училища я работал в Павловке помощником управляющего. Одним из помощников. Так, мальчонка на побегушках. Я тогда молодой совсем был. А Матюха Подлесных работал на конюшне, на кузне... Да всюду! Трудолюбивый был. И льстивый. Князь относился к нему снисходительно. Матвей был сыном княжеского крепостного, раскрепощённого и разбогатевшего крестьянина. Можно сказать – свой человек. С рождения знакомый. Такой вот жизненный пример: угнетённый, сам стал угнетателем. Но поскольку Павловское хозяйство по тем временам считалось в уезде прогрессивным, Матвей Подлесных учился ведению дел. А отец его поставлял в имение разные продукты, скобяную и прочую дрянь. Князь семью Подлесных уважал. Сам Матвей почитал князя не менее, чем родного отца. Но были у Матюхи некоторые, скажет так, особенности. Я бы назвал их кулацкими задатками. Матвей Подлесных не только любил и копил деньги. Он давал в их рост под проценты. Папаша-кулак Матвею крупные суммы доверял. Тот ссужал многим. На этом деле семейство имело хорошую моржу. Матвей в те годы хоть и был человек ещё молодой, в финансовых операциях проявлял сноровку многоопытного выжиги. Половина уезда была у Подлесных в долгу. Сам князь, Сергей Михайлович, хоть и аристократ, но потомок декабриста, а значит, революционным идеалам не чуждый, при случае, если замечал, смеялся над ним, ёрничал. Ты же читала, милая «Преступление и наказание»? Нет? Там писатель Достоевский старуху подобную описал, а нашему Матюхе тогда и двадцати лет не сравнялось, но кулацкая закваска у него уже наличествовала. Ростовщик – типичное, противоестественное порождение прогнившего строя. Но самое забавное, что этот вот помещичий ростовщик ещё и на клиросе пел. Религия, значит, ему не мешала деньги наживать. Если бы не революция, выбился бы, пожалуй, и в большие магнаты, и в церковные старосты. Но революционная справедливость восторжествовала, каждого приобщив к производительному труду. Представь себе, Матвей из экономии даже не посещая кабаки. Носил очень простую одежду и обувь. К тому же папаша его, несмотря на значительное состояние, продолжал шить собственными руками обувь. Экономили на всём, а деньги клали в банк или давали в рост. Но революционная справедливость свершилась, и когда губернский банк лопнул...

– Порассуждай! Когда губернский банк лопнул, я воевал и был уже дважды георгиевский кавалер! – слова Красного профессора почему разозлили Колдуна. Он вскочил со скамьи, выпрямился. Убогая горница девичьего пастуха превратилась в крошечный закуток.

– Ну что же ты замолчал? – ревел Колдун. – Давай! Продолжай рассказ о язвах царского режима. О том, какой я плохой! Порождение! А ты сам-то кто?

– Ты – палач. Я – жертва. О чём тут рассуждать? – или слова Колдуна чем-то смутили отца, или рана мучала его, но от отвернулся к стене.

– Вчера я был жертвой. Сегодня ею станешь ты. Разве не справедливо? Палач и жертва всегда стоят на одной доске. Вот и мы с тобой стали. Осознал? – ревел Колдун.

– Сколько же ты раз всходил на эту доску? – усмехнулся Красный профессор.

– Не считал. Пока не перевешаю всех красных – не остановлюсь. Не перестану стоять на этой самой доске.

Октябрина украдкой посматривала на отца. Сейчас он возразит. Он не оставит шанса на победу этому деду Матюхе, пусть он даже и колдун, и тем более, если он монах-расстрига.

– Первый раз мы с тобой схлестнулись, Матвей, когда ты со своими... гм... соратниками пришёл грабить поместье князя.

– Я пришёл взять своё!

– Твоего там ничего не было. Ты работал у графа на жалованьи!..

– Так же, как и ты! Ты знаешь, зачем я приходил. Знаешь, что хотел забрать! – Колдун внезапно сник и тяжело опустился на скамью, и остался сидеть в ногах отца, сутулясь, уронив тяжёлые руки между колен.

– Хотел забрать, да не забрал, – тихо проговорил он.

– Поместье князя Волконского до тла разорила банда дезертиров и примкнувших к ним кулаков.

– Тогда-то ты, Роденька, впервые попробовал вкус человеческой крови. Изведал палаческого ремесла. Скольких ты тогда положил? А ведь ты, Родя, совсем молодой тогда был, а не побоялся схлестнуться с ветеранами империалистической войны. Меня тогда мой Георгий спас. Ты прямо в грудь мою пулей угодил. Помнишь? А за кулаков ты не толкуй. Не было в ту пору у нас кулаков. Кулаки есть более позднее изобретение вашего агитпропа.

– Я защищался от грабителей! Уже тогда я хорошо понимал где враг, а где товарищ. Запомнил!

– Я приходил взять своё!!

– Ты – ростовщик, дезертир, монах-расстрига.

Родион Петрович начинал горячиться. Зачем? Стоит ли этот дед-лесовик, совершенно, как оказалось, аморальный тип, его горячности? Да и молчит он. Вроде перестал возражать. Вскочил, бродит по избе из угла в угол. К пурге прислушивается? Ищет что-то? Октябрина на всякий случай встала обеими ногами на люк. Красный профессор, заметив её движение, примолк.

– Молодой? – снова подал голос Колдун. – Запомнил? Ты лучше скажи – сам-то ты кто? Кем стал за прошедшие двадцать лет?

– Я? Последователь идей Ленина – Сталина!

– Эка!! Гы-ы!! – Колдун затрясся от хохота. – Ленина – Сталина! Сознался!

– Я ни в чём не сознавался!

– Опять врешь?! Идеи Ленина! Идеи Сталина! Идеи!! Возжелали построить рай на земле! От беда-то! Дак ить и построили!

– Человечество много веков мечтало о построении коммунистического общества. Мы, коммунисты, стремимся к воплощению этой мечты! Невзирая на козни мировой буржуазии и фашизма... – Родион Петрович приподнялся на локте.

Дрожа от возбуждения, он кричал. На губах его пузырилась розовая пена. Побуревшая от крови его правая штанина увлажнилась. На пол упало несколько алых капель. Сдался же ему этот старик с белой бородой! Подумаешь, ростовщик! До революции каких только ужасов не творилось. Октябрина в изумлении смотрела на отца. Ответственный, серьёзный, выдержанный, даже холодноватый порой, Родион Петрович крайне редко срывался на крик. Бывало, возвышал голос, зачитывая студентам цитаты из классиков диамата. Но то совсем другое дело! При чтении лекций, особенно когда речь заходила об истории Гражданской войны, профессор Табунщиков достигал подлинного артистизма. Учащиеся Воронежского сельхозинститута, особенно студентки, слушали его не дыша и широко разинув рты. Октябрина знала и то, что, войдя в амфитеатр аудитории, её отец испытывал такое же возбуждение, какое испытывает артист, выходя к рампе. Но сейчас, когда он оказался во власти злейшего из врагов, – к чему этот пафос? Если б не метель и не ожидаемое прибытие мадьяр, Лаврик и Ромка уже положили бы конец этим прениям. А так, приходится терпеть.

– Мы живём в трагическую эпоху... – проговорил Колдун.

– Конечно! – не выдержала Октябрина, но натолкнувшись на яростный взгляд отца, умолкла.

– Конечно! – подтвердил Колдун. – Святое попрано. Храмы порушены. Паперти в запустении. Вы методически искореняли православие, а меж тем оно являлось одним из столпов русской государственности. Царя убили, помазанника Божия... – Октябрине показалось или Колдун действительно всхлипнул? – Церкви разграбили и ввергли в запустение... Тут уж нечего и завоёвывать. Ничего нет! Остаётся только мстить.

– Мы будем мстить фашистам за каждый разрушенный дом!..

– Не-е-е!! Фашизм явление мимолетное. Война с эсэсэсэр погубит его. А ваш кривой коммунизм – на века. А почему? А потому, что её душа отравлена!

Колдун наставил на Октябрину белый, длинный палец, как наставляють пистолет. Потом он схватил со стола шапку и медленно двинулся к двери. Зачем он уходит? Куда?

– Принести бы воды... – пролепетал Октябрина. Она схватила ведро и двинулась следом за Колдуном.

– Попы толковали о рае небесном, а мы строим на земле! – прорычал Красный профессор вслед Колдуну.

– Не-е-е! – белобородый прекратил своё движение к двери внезапно и Октябрина с разбега воткнулась носом в его спину.

Странное дело! Вывороченный долгополый тулуп пах совсем не по-мужски, не табаком, не порохом, не звериной кровью, не ядрёным потом, но давно вышедшим из обихода, попорченным церковным духом. Ладаном? Пряным дымком кадиланицы?

– Вы думаете, что добились успеха. До сих пор так думаете. А немцы на Волге! А мадьяры на Дону! Сказать тебе, что вы сделали?

– Настоящий момент трагичен. Это правда. Мы живём в послереволюционную эпоху. Советское государство окружено множеством врагов. Да! Наш враг силен, но не всемогущ! Мы победим!

Родион Петрович устало повалился на скамью, а его оппонент сунул лохматую свою шапку в руки Октябрине. Слава богу, он не пойдёт на двор!

– Не хотите ли чаю? – спросила Октябрина.

– Чай?! – Родион Петрович и сам кипел, подобно чайнику. – Послушай, Матвей! Новое общество является закономерным продуктом Великой Революции и единственным способом выжить и отстаивать свое право на существование!..

– Уже не выжило ваше общество!

Колдун взмахнул руками. Длиннополый его тулуп с грохотом упал на пол. Колдун остался в длинной, до колен, перепоясанная армейским ремнём рубахе. Грудь и спину его крестнакрест пересекали ремни португали. Октябрина только сейчас заметила, что запястье его левой руки перевязано. На светлом ситце выделялись алые пятна. Колдун ранен! Значит, в его жилах течёт обычная кровь. Значит, его можно убить! Это открытие странным образом успокоило Октябрину. Избавившись от шубки и ведра, она спокойно расставила на замызганном столе посуду. Нечистая, убогая утварь вызывала брезгливое чувство, но она не стала пере мыть тарелки и чашки. Надо во что бы то ни стало прекратить этот спор. Но как?

– Вы похороните сами себя, самоубийцы, – продолжал Колдун. – Тем самым преумножая собственные грехи! В библиотеке князя Волконского была книжка Томаса Мора и я её читал. Вы навеки похоронили надежды на земной рай, построив этот рай на самом деле. Вы в яви показали страшную сущность многовековой мечты человечества.

– Ты классово чуждый нам элемент, Матвей! Тебе не понять!

– Я из крестьян, а значит – не чуждый. Должен бы быть не чуждым, но...

– В девятьсот семнадцатом году тамбовские крестьяне явились самыми настоящими разбойниками. Громили помещичьи усадьбы, разоряли культурные гнёзда, убивали беззащитных людей. Я сам видел это. И участвовал – пытался защитить достояние культуры от беснующейся толпы...

– Утихни. Ты не на кафедре, Красный профессор. Ваша власть чужда всем. Какое отношение имели еврей-подпольщики к пролетариату? А к крестьянству? Когда тамбовские мужики громили усадьбы дворян, я был солдатом.

Колдун зевнул. Преподавательства наскучили ему. Он направился в самый тёплый из углов, за печку, подхватив со стола цветной хрусткий пакет с галетами. Вот он задел ногой половику, запнулся и едва не упав с раздражением уставился на яркую тряпку. Пожалуй, обшитый штапельной лентой кусок сукна с яркой, цветочной аппликацией выглядел странновато на истоптанном полу. Слишком шикарная вещь для избушки колхозного пастуха. Могло ли прийти в голову колхозному пастуху устилать пол в своём жилище половиками? Может быть, и Колдун рассуждает так же? Слишком уж долго он рассматривает пол у себя под ногами.

Дело спас Красный профессор.

– Да, откупиться тебе не удалось – забрили лоб. А потом, когда ты дезертировал из царской армии, Павловка была уже наполовину опустошена первым набегом кулаков и подкулачников. Ты лишь довершил дело, начатое твоими односельчанами-кулаками.

– Я не дезертировал. Армию распустили по домам правительственным декретом. Я вернулся в Павловку.

– А ваша семья? Родителя? Жена? – спросила Октябрина.

Ей почему-то вдруг сделалось жаль этого человека. Кругом неправ. Разве так бывает?

– Не был женат. Семью угробил комполка Переведенцев. Вот и вся семейная история, – говоря это, Колдун продолжал рассматривать половые доски.

Вот он сделал шаг к столу. Собирается взять светец? Что дальше будет делать? Она одна слышит возню под полом или...

Октябрина подскочила к Матвею.

– Позвольте мне осмотреть вашу руку. Пуля прошла навывлет?

– Не-е. Только чиркнула. Крови вытекло и всё. В империалистическую меня контузило – вот это было дело. Вот это было плохо. До сих пор видения... Гы-ы-ы! А потом вот он, – Колдун кивнул головой в сторону Красного профессора, – выстрелил в меня. В упор. Но я, видишь, георгиевский кавалер. Пуля угодила в моего Георгия. Так Святой великомученик спас мою жизнь от красной шпаны.

Октябрина неотрывно смотрела на него. Белые брови, белые усы и борода, но щеки гладкие и такие молодые, похожие на огненные опалы глаза! Во рту её пересохло. Едва различимая слухом, возня под полом утихла. Молчал и Красный профессор на своей скамье. Объятие Матвея было внезапным и крепким. Перевязанной рукой он схватил её за затылок и притянул к себе. Октябрина ткнулась носом в его грудь. Наверное, она оцарапала щёку пряжкой португалии, а может быть и нет. Она замерла, вдыхая такой странный, словно неземной, его запах. Колдун крепко прижимал её к себе раненой, левой рукой, а в правой его руке громко хрустел пакетик с галетами. Покой. Истома пробуждения в душистом стогу. На исходе лета, когда утра уже прохладна, в стогу тепло и с вечера, наслушавшись пения сверчков, ты спишь крепко, и ясное небо с низкими звёздами кружилось над тобой, баюкая. Гулкие своды запустелой, старой церкви в глухой деревеньке на берегу Хопра. Полустёртые лики библейских праведников смотрят со стен. Густо пахнет ладаном. Ах, почему от Колдуна пахнет не дёгтем, не махрой, не мужским одеколоном, наконец, но ладаном? В топке догорали поленья. На столе стыл заваренный ею морковный чай.

– Что ты делаешь, Матвей? – закричал профессор. – Ты же давал монашеские обеты! А теперь трогаешь её?

Рука Колдуна, разом утратив силу, безвольно повисла вдоль тела. Нет, он не стал отталкивать её. Просто отстранился, сделав полшажка вбок.

– Послушайте, э-э-э... Родион... – всполошилась Октябрина. – Вы слишком горячитесь. Так нельзя. Вы вредите себе.

Октябрина поднесла отцу чашку свежесваренного, пахнущего оттаявшей землёй чая, но тот оттолкнул её руку. Чай выплеснулся на пол. В чашке его осталось совсем немного, на дне. Повинуясь настойчивым просьбам Октябрины, он все-таки взял в руки чашку.

– ... после разгрома армии Антонова ты решил податься в монахи. Это вообще смешно! Ха-ха-ха!

Фальшивое веселье лишило Родиона Табунщикова последних сил, пальцы его разжались. Пустая чашка покатила по полу и остановилась аккуратно в середине люка, ведущего в подпол. Колдун наклонился, чтобы поднять её и снова замер, уставившись на доски. Именно в этом месте они были плохо подогнаны друг к другу. Октябрина кинулась к печи. Надо же что-то измыслить! Надо отвлечь внимание Колдуна! Ей на помощь снова пришёл отец. Голос его звучал слабо, но твёрдо.

– ... но в монахах ты пробыл не долго. Борисоглебский уезд знает и помнит почём ты продал своего духовного пастыря. Все видели! Никто не забыл! Не знаю уж, чем ты так глянулся председателю губисполкома, почему Заминкин стал тебя защищать... Доводилось слышать по этому поводу разные антинаучные бредни. Но кто в это поверит?

Отец говорил, а Колдун, вовсе не замечая его, с пугающим пристрастием наблюдал за хлопотами Октябрины. Изумляясь, стесняясь, негодуя, она лопатками, кожей шеи, волосами, ощущала его взыскательный взгляд. Чем-то она глянулась ему? Не сумела скрыть родства с отцом? Странно! Казалось, Колдуна совсем не задевали оскорбительные речи Родиона Табунщикова. А Красный профессор в который уже раз за этот вечер разошелся не на шутку, то поднимался со своего прокрустова ложа, то падал на него в изнеможении. И каждый раз, когда его затылок соприкасался с твёрдой скамьёй, раздавался глухой стук.

– Ты подложи ему что-нибудь под голову, не то он черепом скамью проломит, – тихо проговорил Колдун. – У перекрашенных эсеров черепа особенно тверды. От них даже пули отскакивают.

Октябрина обернулась. Колдун уже снова сидел на скамье в ногах у её отца. Плечи его поникли. Наверное, устал совершать преступления против человечества, отречься и предавать. Октябрина вздохнула. Наверное, это и есть сострадание? Выходит, палач её отца жалок? Колдун между тем тонкими, странно белыми, словно и не мужскими пальцами, извлекал из хрусткого пакета с яркой этикеткой, квадратики галет и по одной прятал их в белых зарослях под носом. Время от времени он предлагал галету и её отцу, но тот всякий раз отказывался. И напрасно. От паршивой овцы хоть шерсти клок. Впрочем, Колдун вовсе не являлся овцой. Скорее наоборот. Синие его, льдистые глаза, блистали, так светятся январской ночью глаза вышедшего на промысел волка. Поначалу, в метели возле саней, он показался Октябрине глубоким стариком. Однако теперь она поняла, что Матюха лишь немногим старше её отца, а значит, совсем не старик. «Дед» – не более, чем прозвище. Матвей Подлесных лишь прикидывался старым. Коммунистическую бдительность хотел усыпить или иные, корыстные цели преследовал – кто знает? А их нечаянное объятие? А запахи? Вот сейчас он присел на скамью и будто бы отдыхает, и посматривает на Октябрину с сочувствием, скорее всего, притворным и с интересом, совсем уж постыдным. Такими вот взглядами провожали её парни однокурсники, а она отворачивалась и, высоко подняв точёный подбородок, давала понять, дескать не нужны ей и совсем напрасны эти молчаливые призывы. Но этот льдистый взгляд волновал её так сильно, что и утварь, и берёзовые поленья, и колун, и большой, туповатый разделочный нож – всё сыпалось у неё из рук.

А тут ещё отец со своей нелюбезной критикой. Вольно же ему критиковать собственного палача! Надо, необходимо думать о спасении до того, как придут обещанные мадьяры. В минуты пауз, когда разговоры затихали, она прислушивалась к избе, но под полом, в клетке, всё было тихо. Странно! Почему Колдун по прибытии не обыскал избу? Почему даже не попытался отобрать у неё колун? Позволил самой щипать лучину, колоть дрова. Вот он протягивает отцу галету. Тот отворачивается, прячет брезгливую гримасу, а сам ведь, пожалуй, более суток крошки во рту не имел! А Колдун хрустит галетой. Вкусно так хрустит. А потом снова предлагает.

Наконец голод победил брезгливость, и отец принял из рук Колдуна одну галету, быстро сунул её в рот, разжевал и проглотил. Колдун протянул ему следующую. Отец принял и её. Их ладони соприкоснулись.

– Какие у тебя руки-то нежные, Красный профессор! Видно, преподавание истории Губчеки не такая уж пыльная работёнка, а?

Родион Петрович поспешно отдернул руку и сунул вторую галету в рот.

– Голод не тётка, – усмехнулся Колдун.

– Я должен выстоять, чтобы продолжить борьбу.

– Хватит врать. Ты отвоевался, Родион! Тебе предстоит борьба только с верёвочной петлёй. Когда мадьярский палач выбьет из-под твоих ног табуретку, борьба для тебя закончится.

– Ты сдашь меня в комендатуру. Допустим. Но что потом? Я советую тебе задуматься о собственном спасении. Красная армия перейдёт в наступление и тогда... Поможешь мне спастись – получишь шанс на снисхождение. Я сам стану ходатайствовать! Ты знаешь все дороги, все тропки в этих местах. Мы переждём пургу, запрежём лошадь в сани – и ходу. Тебя, конечно, ждёт трибунал и справедливое наказание. Зато потом... Я обещаю всяческую поддержку. Советская власть справедлива...

– Не-е, всё будет не так, – вяло огрызнулся Колдун. – Ты будешь болтаться в петле. Советской власти конец. Все, кто был красным или хоть розовым, – всех в петлю. Не опираться тебе этими вот нежными руками на забранную в кумач кафедру. Не рассуждать об идеях Ленина – Сталина, нажавшись усиленного пайка.

Прислушиваясь к их разговору, Октябрина перестала ронять предметы. Работа зашпорилась. Вода в чугуне начала закипать. Она рассматривала разложенную на столе мадьярскую снедь. Прикидывала, можно ли умыкнуть незаметно малую толику пахнущей чесноком колбасы или шоколад, чтобы...

– Может быть, и не успеют, – неожиданно для себя самой выпалила Октябрина.

– Что-то ты говоришь, комсомолка? – встрепенулся Колдун.

– Красная армия перейдёт в контрнаступление и освободит... и отбросит... – Октябрина умолкла на мгновение, наткнувшись на тревожный взгляд отца. Сделав глубокий вдох, она уняла трепещущее сердце и продолжила:

– Мы защищаем свою Родину от страшного врага. Всё знают о зверствах, чинимых фашистскими оккупантами. Вы не полицаи – это ясно. Вы русский, советский человек... когда вы меня обнимали... а потому, когда весь народ, как один человек поднялся на защиту Родины, вы обязаны... вы должны оказать всемерное содействие, даже находясь в тылу врага... Если вы совершите подвиг, прошлые проступки...

– В тылу врага прежде всего необходимо соблюдать осторожность, – в голосе Родиона Петровича звенела тревога.

Глаза Колдуна превратились в узкие щелки.

– В наше время в ходу были другие байки. Хочешь, расскажу? – проговорил он.

– Ну...

– В наше время жителя Борисоглебского уезда Тамбовской губернии надеялись, что командарм Будённый поднимется против большевиков и освободит их, тамбовских упырей, из-

под власти комиссаров. И на то у них были кое-какие основания. Командарм Будённый сейчас драпает от немца. А комкор Тухачевский, тот, что травил тамбовских упырей газами...

Колдун не договорил, просто провёл ребром ладони по шее. Октябрина осеклась.

– Ну, это вы совсем невероятные вещи говорите! – прошептала она.

– Невероятные вещи говоришь ты, девица. Власти комиссаров пришёл конец. А этот вот Красный профессор, бескорыстный вешатель и поротель тамбовской голыдьбы за тебя, комсомолка, почему-то боится. Хотя ты такая же голыдьба, как те, кого он вешал несчётно. Что молчишь? Почему не отпираешься? Ну, скажи же, что, дескать, не комсомолка. Ну?!

– Не комсомолка...

– А как звать то тебя? Я и не спросил.

– Октябрина...

Голова Красного профессора с громким стуком обрушилась на скамью.

– Нет такого имени в Свяцах. Как же мать-то тебя называла?

– Тяпа...

– Гы-ы-ы!!! Хорошо хоть не Каштанка!

Красный профессор отвернулся к окну и затих, только плечи его заметно дрожали.

* * *

За стеной, перекрывая монотонный вой пурги, что-то взгудело. В подслеповатое окошко ударил яркий луч. Послышались гортанные выкрики. Кто-то отдавал команды на непонятном языке. Если это были не немцы, то наверняка мадьяры.

– Вот и они, – устало произнёс Колдун.

– Кто?

– Мадьяры! Молчи, профессор. Лучше всего продолжай считать клопов на стене. К нам прибыл Ярый Мадьяр собственной персоной. Это тебе не Борисоглебский обыватель. Этот твоих батогов не убоится. В Семидесятком говорят, что на его счету больше тысячи жизней. Он быстро убивает. Просто ставит к стенке – и ... пык!

Колдун снова наставил на Октябрину свой палец. Родион Петрович едва слышно застонал. Колдун выскочил за дверь, в гудящую пургу. Октябрина мимоходом набросила на отца старое одеяло.

– Лаврик всё ещё старший, – глухо проговорил Родион Петрович.

В сенях кто-то громко затопал, загремел железом. Октябрина отскочила от окна к печи. Она смотрела на трясущие плечи отца. Нет, он не плачет. Это лихорадка. Что-то будет дальше? Октябрина смахнула непрошеную слезу.

– Ты не верь ему, – тихо произнёс Родион Петрович.

– Почему?

– Не верь! Что бы ни говорил!

* * *

– Что это ты, милая... как это говорят по-русски... разлетелась. Так? Тебе понравилась... или... как говорят русские?... глянулась? Итак, тебе глянулась эта русская шинель?

Дани повёл плечами, изящным жестом перехватил длинную трофейную шинель. Девушка не сводила глаз с его обтянутой чёрной свиной кожей культи. Шинель упала на скамью. Дани огляделся, потянул носом воздух. Запах печного угара мешался со сладковатым, тошнотворным душком тления. Похоже, раненый где-то здесь и совсем плох. Теперь девушка не сводила глаз с его погон. Знает ли она знаки различия Венгерской армии? Понимает ли, что перед нею офицер? Она не дурна собой, только, пожалуй, грязновата. Все русские краса-

вицы похожи одна на другую, как дождевые капли. Ассиметричные лица, волосы непременно пепельного оттенка, и ещё нечто, не поддающееся описанию, присущее всем русским, даже комсомолкам. Милана называла это Богородичной благодатью. Где-то он уже видел раньше эту девушку или то была другая?

– Я просто подумала...

– ... что я русский и обрадовалась. Так?

Она отвернулась. Щеки побелели, отчего пятна сажи на них сделались ещё заметней. Нет, она не столько смущена, сколько напугана.

– Господин лейтенант, ребята не знают, как поступить. На улице двадцать градусов по Цельсию со знаком минус. Если на таком морозе заглушить двигатели автомобилей, то утром их вряд ли удастся завести. Припомните, пожалуйста, как долго мы раскочегаривали «хорьх». И если бы не умение капрала Дьюло, он так и стоял бы сейчас в снегу. Но пока двигатель «хорьха» тоже работает, мне не хочется его глушить. Да и аккумуляторные батареи...

Чатхо принёс на плечах тонну морозного воздуха, и Дани тут же пожалел, что избавился от русского одеяния деда Матюхи.

– Говори короче, Чатхо! Если вы опасаетесь мороза, то и не глушите двигателей!

– Как же не глушить, господин лейтенант? У нашего «хорьха» – половина бака, у полторки – и того меньше. Русская машина жрёт топливо галлонами! Если не глушить двигатели, то к утру закончится горючее, и тогда уж никакой надежды... – Чатхо сам стрекотал, как хорошо отрегулированный двигатель, питаемый из полного бензобака.

Девушка, замерев, прислушивалась к словам водителя и, судя по выражению глаз, не понимала ни слова. Нет, венгерского языка она точно не знает.

– Вы уже приняли какое-то решение? – спросил Дани.

– Мы ждём приказа. Вашего приказа, господин лейтенант!

– Верно ли я понимаю: если двигатель глушить надолго, то на таком морозе его трудно будет завести, так?

– Так точно!

– Тогда предлагаю глушить двигатели на непродолжительное время, чтобы они не успевали остывать. Тогда появится шанс сохранить горючее до утра и у нас появится возможность добраться, наконец, до Семидесятского.

– Придётся установить круглосуточное дежурство, господин лейтенант!

– Действуйте, Чатхо! Вы дежурите первым, а остальное пусть решит капрал. Минута, Чатхо! Шаймоши тоже поставьте в очередь. Пусть дежурит наравне с другими. На войне как на войне!

* * *

– Ну вот! Мы спасены! – обрадовался Шаймоши. – Крыша над головой. Печь горячая. Еда!! Эй, женщина, неси бадью с водой! Господину лейтенанту умыться. Нет, тряпья твоего не надо. После того как мы выбрались из завшивленного Воронежа, пользуемся только своим...

Русская девица молча уставилась на Шаймоши. Бедняжка не понимала ни единого слова. К тому же она, по-видимому, так устала, что вряд ли способна сейчас понимать даже родную речь. А Шаймоши изъяснялся на грубом, деревенском жаргоне, который не всякому коренному будайцу вполне понятен.

– Она не понимает тебя, – проговорил их белобородый спаситель. – Лучше оставить машины перед домом.

– Микулиш... дьедь мозорь... – оскалился Шаймоши.

– Сам ты дед мороз! – фыркнул белобородый.

Дани осмотрелся. А вот и пленник! Всё ещё жив, лежит на лавке под окном, но не двигается и дышит шумно. Судя по всему, у него жар.

– Клоповник! Мерзкая дыра! – фыркнул Шаймоши. – Хоть бы ты помыла пол, девушка!

Шаймоши суетился, поминутно выскакивая на мороз. В сенях было темно, но в подследоватое оконце всё ещё светили фары обоих автомобилей. Иногда размытые непрерывно падающим снегом лучи пересекала быстрая тень: это Чатхо заступил на вахту. Металлическому рокоту двигателей сопровождал тоскливый, поднимающийся до самых высоких нот вой пурги. Дани первое время пытался разбить слышимые звуки на такты и быстро сбился. Он всё ещё мёрз и уже отчаянно жалел об оставленной в сенях, пропахшей конским потом бурке. Не надеть ли снова русскую шинель? Пожалуй, не стоит. Слишком много русского вокруг, а всё русское сулит опасность. Даже неодушевлённые предметы – пропахшая клопами одежда, неопрятная утварь на столе. Всё! Время от времени что-то шуршало между потолочными досками и стропилами кровли – там гуляли сквозняки и тараканы. А может быть, именно там обитает то странное, неизъяснимо опасное существо, русское зло, которое Милана именовала Лихом? Поначалу от глубокого тепла русской печи его повело в сон. Но провести ночь за печью, в окружении низших чинов и тараканов, казалось совершенно невыносимым. Один светец – на столе, другой – на припечке, под образами яркий, розоватый огонёк лампы – всё в совокупности давало возможность рассмотреть убогую обстановку жилища пастуха. В паузах между шумными припадками вьюжного буйства за печью шелестели тараканы. Лишь звуки уличного ненастья могли заглушить этот неумолчный шелест. Стесняясь его взглядов, девушка совсем по-крестьянски прятала лицо за замызганным рукавом. Тёрла им лоб и щеки, от чего те становились ещё более чумазыми. Ответные её взгляды были наполнены робким ожиданием. Чего? Ах, какая же она ещё молоденькая! Пожалуй, лет на двадцать моложе самого Дани. Руки обветрены, нос хлюпает, но она может стать настоящей красавицей, если выживет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.